

ГЕРМЕТИЧНЫЙ ТРИЛЛЕР НА СТАНЦИИ В АНТАРКТИКЕ

ХОЛОДНЫЕ ТЕНИ

ВАСИЛИЙ КРИПТОНОВ

МИЛА БАЧУРОВА

Мила Бачурова
Василий Криптонов
Холодные тени
Серия «Неон», книга 3
Серия «Расследование вели двое»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69923884

*Холодные тени:
ISBN 978-5-17-158847-2*

Аннотация

Спрятать на изолированной антарктической станции потенциальную жертву, регулярно получающую письменные угрозы от неизвестного, – разве можно найти идею удачнее?

Так думал и Неон, которого попросили разоблачить анонимного преследователя. Но даже он не мог предположить, что в герметичном пространстве посреди Антарктиды начнется настоящий кровавый кошмар. И пусть оставленная маньяком подсказка ведет в далекое прошлое, заставляя вспомнить, как самого Неона обвиняли в убийстве, это не повод оставить без внимания то, что происходит здесь и сейчас, среди витающих на станции холодных теней.

Содержание

Пролог	6
1	10
2	17
3	24
4	27
5	29
6	32
7	36
8	40
9	42
10	44
11	46
12	49
13	52
14	56
15	59
16	66
17	71
18	74
19	85
20	88
21	93
22	96

23	99
24	104
25	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Василий Кристонов,
Мила Бачурова
Холодные тени**

© Кристонов В., Бачурова М., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Телефон приглушенно тренькнул. Брю запустила руку под подушку, нащупала теплый пластик. Не сразу получилось сфокусировать взгляд. Сон не хотел отступать. Лицо Билла Каулитца¹ на заставке казалось размытым пятном.

Брю часто заморгала, прогоняя сонливость. Было раннее утро, солнце только-только пыталось лучами забраться в комнату, и комната казалась серой, унылой. Серые обои на стенах, серый потолок, серый письменный стол.

Усевшись в постели, Брю потерла ладонями лицо, зевнула и вновь поднесла к глазам телефон. Уведомление было всего лишь от аккаунта Габриэлы – вышел новый пост. Брю открыла ссылку и увидела фотографию, под которой уже собирались сотни лайков и комментов.

– Идиоты, – буркнула Брю.

Габриэла сидела на слоне и улыбалась в камеру. И что в этом такого особенного? Похожих фотографий в интернете можно найти тысячу штук. Неужели людям до такой степени лень гуглить, что они сидят днями в ожидании новой порции фоток от Габриэлы?

Окончательно проснувшись, Брю добавила свой лайк к полутысяче чужих. Никто не скажет, будто она завидует. За-

¹ Вокалист немецкой группы Tokio Hotel.

видовать совершенно нечему! Вот если бы ее сестра и правда делала что-то особенное... Например, записала бы песню, которая вот-вот станет хитом...

Брю открыла почтовое приложение, проверила входящие, но там было пусто. Так же пусто, как и в папке «спам».

«Это ничего, – успокоила себя Брю. – Я отправила трек всего неделю назад. Им наверняка приходят сотни таких каждый день. До моего просто пока не добрались».

Письменный стол Брю был оборудован под мини-студию. Звукопоглощающий экран, микрофон с поп-фильтром, мощный компьютер. Подарок от Габриэлы на прошлый день рождения. Брю всего лишь обмолвилась, что хотела бы попробовать записывать песни, а Габриэла запомнила. Она всегда все запоминает...

Музыку написал один парень из Берлина – Брю познакомилась с ним в Сети. Ему понравился ее голос, к тому же Брю приврала, будто у нее есть знакомые в звукозаписывающей компании. Трек они сделали за три дня, и вот уже прошла неделя, как от звукозаписывающих компаний нет ответа.

Пару дней назад Брю, не выдержав, тайком от соавтора выложила трек на SoundCloud. Если верить статистике, кто-то прослушал его пару раз – и это всё. Ну то есть пока – всё...

Брю встала с кровати. Шлепая босыми ногами, направилась к ванной комнате. Ее сопровождали развешанные на стенах семейные фотографии. То есть якобы семейные. Практически с каждой из них улыбалась Габриэла.

Габриэла демонстрирует диплом с отличием, стоя перед Мюнхенским университетом Людвига-Максимилиана. Габриэла раздает автографы на презентации своей первой книги о путешествиях. Габриэла в какой-то африканской деревне в окружении местных детишек...

Поставив чайник в кухне, Брю вышла на крыльцо, выгребла из почтового ящика стопку листовок и конвертов. Вернувшись, рассыпала конверты по кухонному островку и стала перебирать. Счета... Реклама... Предложение от банка...

Один конверт выделялся среди остальных. Так сильно, что показался Брю чем-то инородным, как будто попавшим в их почтовый ящик по ошибке. Это было личное письмо, и адресовано оно было Брюнхильде Крюгер. Адрес и имя получателя были выведены от руки, странным витиеватым почерком, как будто отправитель учился писать веке в восемнадцатом. А обратного адреса не было вовсе.

Чайник начал сипеть, прочищая горло перед тем, как зашвистеть в полную силу. Брю его не слышала. Сердце замерло от странного, какого-то тревожного ожидания. Она надорвала конверт и вытряхнула на стол сложенный вдвое лист тонкой, почти прозрачной бумаги.

Развернув лист, Брю прочитала письмо. Это не заняло у нее много времени. Там было всего восемь слов, если считать за слово предлог.

**«Желаю тебе сдохнуть в страшных мучениях,
тупая шлюха».**

Визг Брю раздался одновременно со свистом закипевшего чайника.

Путешествовать бизнес-классом до сих пор Веронике не доводилось. На том, чтобы занять эти места, настоял Тимофей. Не из-за тяги к комфорту – с его непритязательностью он прекрасно чувствовал бы себя и в неоткидывающемся кресле последнего ряда.

«В бизнес-классе – два места, – сказал Тимофей. – На других рядах мест больше».

«...и рядом с нами сядут посторонние люди, – поняла Вероника. – Господи боже, какой кошмар».

Больше она вопросов не задавала. Купила билеты, перед вылетом зарегистрировалась на рейс, в аэропорту отвела Тишу в лаунж-зону, чтобы не мучился, ожидая вылета в толпе, а сейчас наконец уселась в широкое удобное кресло. Попросила бортпроводницу принести воды и с удовольствием вытянула ноги.

Покосилась на Тимофея. Тот, отгородившись от мира наушниками, с каменным выражением лица смотрел в окно.

– Тиш? – Вероника потрогала его за рукав.

Тимофей вопросительно обернулся и вынул один наушник.

– Ты обещал рассказать, кто такая Габриэла.

Тимофей вздохнул. Остановил очередную занудную хрень, которую слушал вместо музыки. На вкладках в теле-

фоне выбрал поисковик, набрал латинскими буквами:

«Gabriela...»

Фамилию Габриэлы набирать не пришлось: поисковик услужливо показал ее уже в четвертой строчке. Тимофей коснулся вкладки и протянул смартфон Веронике.

Со страницы задорно улыбалась загорелая красотка, одетая в футболку и рваные джинсы, порванность которых – судя по бренду – равнялась примерно десяти прожиточным минимумам городка, в котором родилась и выросла Вероника. Переводом страницы Тимофей, как обычно, не озаботился, но цифры в переводе и не нуждались.

– Шесть миллионов подписчиков?! – ахнула Вероника. – Ни фиги себе у тебя подруги.

– Шесть миллионов сто двадцать три тысячи – во-первых, – поправил Тимофей. – Во-вторых, Габриэла – не моя подруга. Мы не общались четырнадцать лет. Я не следил за ее судьбой и до недавнего времени понятия не имел, чем она занимается.

– А чем она занимается?

Тимофей кивнул на смартфон у Вероники в руках:

– Там все написано.

– Там по-английски написано.

– По-немецки.

– Неважно! Трудно ответить, что ли?

Тимофей вздохнул. Секунду поколебался – видимо, решая, отвечать Веронике или заставить ее изучать вопрос са-

мостоятельно. Но в итоге решил, что открыть рот – предпочтительнее, чем позволить Веронике дальше копать в его смартфоне.

– Габриэла – блогер. Ведет канал о путешествиях.

– О как. – Вероника посмотрела на Тимофея с интересом. – Популярный блогер? И что же мне это напоминает?

Тимофей поморщился:

– Если ты намекаешь на меня, то между моей работой и работой Габриэлы нет ничего общего. Формально я действительно отношусь к блогерам, но не веду свой канал самостоятельно. Я не общаюсь с подписчиками и уклоняюсь от любой публичной деятельности. Этим участком занимаетесь вы с Вованом.

– Подумаешь! – фыркнула Вероника. – Какая разница?

– Огромная. Габриэле – судя по тому, что я вижу на ее странице, – нравится быть популярной. Я же воспринимаю популярность как неизбежное зло.

Вероника пожала плечами:

– Не убедил, но ладно. А почему вы не общались четырнадцать лет?

Тимофей снова помедлил с ответом. Отозвался неохотно:

– Потому что Габриэла была моей одноклассницей. После того, как меня перевели в другую школу, точек соприкосновения у нас не осталось.

– Ну конечно, – пробормотала Вероника. – Телефон, соцсети – это ведь все для слабаков. Какие уж тут точки сопри-

косновения, и правда. Откуда им взяться...

Чем более явно Тимофей уклонялся от рассказа о Габриэле, тем интереснее становилось Веронике. Шутка ли: впервые за четыре года она узнала, что в Тишиной жизни был период, когда он близко общался с представительницей женского пола! И неважно, что ему тогда было... сколько, тринадцать лет? Да, около того. Совершенно неважно!

Вероника еще раз взглянула на фото Габриэлы. Приблизив его и тщательно рассмотрев, вынуждена была признать, что придраться не к чему. Никаких силиконовых губ, накладных ресниц и татуажа бровей. Стройная, ухоженная брюнетка с модной стрижкой и почти незаметным макияжем.

Девушка с ног до головы была упакована в стильные, идеально подобранные шмотки (названия брендов присутствовали там же, на странице). На заднем фоне плескалось нереально синее море. Габриэла стояла, небрежно облокотившись о борт белоснежной яхты.

Прочие фотографии на странице оказались не менее шикарными. Менялся фон – заснеженные горы, бескрайняя пустыня, буйная зелень джунглей, развалины древних городов и неоновые огни мегаполисов. Не менялась только внешность Габриэлы. Тишина подруга детства выглядела настолько безупречно, что Вероника невольно сжала руки в кулаки: перед отъездом до того забегалась, что не успела обновить маникюр.

– Как-то странно получается, – обронила Вероника, делая вид, что ей это вообще-то совершенно безразлично. – Вы с этой Габриэлой не общались четырнадцать лет, а потом она вдруг обратилась к твоей маме и объявила, что ей нужна твоя помощь?

Тимофей пожал плечами:

– Не вижу противоречий. То, что я не следил за судьбой Габриэлы, не означает, что она не интересовалась моей. Габриэла всегда была любопытной. И, видимо, знала, чем я занимаюсь.

– Все равно ерунда какая-то. Ты – в России, она – в Германии. Неужели ей проще вызвать тебя – с которым не виделась четырнадцать лет, – чем нанять детектива по месту жительства?

– Проще обратиться в мюнхенское сыскное агентство, – кивнул Тимофей, – безусловно.

– Но Габриэла, тем не менее, обратилась к тебе.

– Не ко мне, а к моей маме. Они, как я понял, время от времени общались.

– Ну о'кей, попросила маму вызвать тебя – неважно. Почему она так поступила? Настолько не доверяет местным службам?

– Скорее, доверяет мне.

– О. – Вероника подняла на Тимофея делано-восхищенный взгляд, поаплодировала. – Поздравляю! Твои расследования выглядят так впечатляюще...

– Думаю, новые расследования тут ни при чем.

– Новые? – удивилась Вероника.

– Скорее, Габриэла помнит о старом расследовании.

– То есть ты и раньше занимался расследованиями? А почему мне не говорил?

– Я не занимался расследованиями. – Тимофей выделил голосом последний слог. – Это был единственный случай.

– Но... – Вероника растерялась окончательно. – Если об этом расследовании помнит Габриэла, то...

– Да. Четырнадцать лет назад. Мы с ней оба были детьми. Габриэла мне помогала.

Вероника фыркнула:

– И что же вы такое расследовали, интересно? Пропажу шоколадки из школьного рюкзака?

– Почти. Меня обвиняли в убийстве.

– Что?! – Вероника вытаращила глаза.

– Напитки, пожалуйста? – В проходе рядом с ними остановилась бортпроводница, толкающая перед собой тележку.

Тимофей отрицательно мотнул головой и отвернулся к окну.

После того как Вероника приняла из рук девушки стаканчик с соком и дождалась, пока та покатит тележку дальше, она попробовала снова обратиться к Тимофею. Но он уже сидел в наушниках с закрытыми глазами.

Вероника вздохнула. Она слишком хорошо знала, что это означает.

Если Тиша закрыл глаза, трогать его бесполезно. Он вернется в окружающую действительность не раньше, чем захочет этого сам.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Рюкзак...

Странно – из памяти давно стерлись имена и лица учителей и одноклассников. Он не помнит, где находилась школа; если окажется в этом районе снова, найти ее самостоятельно не сумеет. Но рюкзак, свой школьный рюкзак, тот, с которым приехал из России, помнит до сих пор.

Рюкзак ему купила бабушка, еще в начальной школе. Это был подарок на первое сентября. Темно-синий, с дурацкой картинкой из мультика, изображающей машинку с человеческими глазами. Стандартная логика родителей и бабушек: мальчик должен любить машинки.

Тимофей не любил машинки и мультики про них не смотрел. Он вообще не смотрел мультиков.

Самым приятным в рюкзаке оказалось то, что картинка с него быстро стерлась. Через полгода от нее остался только смазанный силуэт. Когда родители объявили, что они уезжают жить в Германию, рюкзак Тимофей взял с собой. Сложил туда самое необходимое: свой дневник – он тогда вел бумажный дневник, – нужные книги, папку, в которой собирал вырезки из журналов. Он и в школу пошел с этим рюкзаком – хотя мама притащила откуда-то новый, бесплатный, выданный социальной службой.

К рюкзаку те придурки и докопались. Если бы не было рюкзака, они, конечно, нашли бы другой повод. Но рюкзак – был. И другой повод искать не пришлось.

Тимофей тогда плохо знал язык. Два месяца занятий, организованных службой адаптации эмигрантов, – срок явно недостаточный для того, чтобы начать свободно говорить. Но свободное владение языком в данном случае и не требовалось.

– Что это за (...)?!

– В какой (...) он это нашел?!

– Надо выбить из него (...)!

Рюкзак Тимофея пацаны-одноклассники перекидывали друг другу. Это было непривычно: в старой школе, в России, его не трогали. В старую школу он перешел из детского сада, попал в один класс с несколькими ребятами, которые хорошо его знали. Не трогали странного одноклассника сами и, вероятно, сумели донести до других, что этого делать не стоит. В новой школе его не знали.

Развлечение с перекидыванием рюкзака не было для Тимофея чем-то из ряда вон выходящим. Ему и прежде доводилось наблюдать подобные сцены, и он тогда искренне не понимал плачущих, мечущихся между гогочущими палачами хозяев рюкзаков. Понятно же, что терпения у этих идиотов – кот наплакал. Нужно просто подождать, пока они наиграются. А будешь метаться – только еще больше их раззадоришь.

Тимофеем отошел в сторону и скрестил руки на груди, выжидая. Заметил на себе недоуменные взгляды одноклассников – они явно не рассчитывали на такую реакцию. Весьма вероятно, что развлечение скоро сошло бы на нет.

Но тут из рюкзака выскочил мячик. Оранжевый, из пористой резины, разрисованный цветочками. Это был подарок Вероники. Тот, кто стоял ближе всех к выскочившему мячику, метнул на него хищный взгляд.

И Тимофей не выдержал. Рюкзак – черт с ним. Но позволить чужим мерзким лапам схватить мячик, который подарила Вероника, показалось кощунством.

Он бросился к мячику. Тот урод, с самым тупым и мерзким взглядом, был к этому готов. Он подставил Тимофее подножку. Тимофей растянулся на полу, а урод схватил мячик. Показал его Тимофее, заржал и перекинул товарищу – вместо рюкзака.

Что было дальше, Тимофей не помнил. Дальше был провал.

Следующий кадр – Тимофей сидит вместе с матерью в кабинете директора школы. Рядом охают и качают головами какие-то теткли. Школьный психолог, представитель социальной службы, черт их знает, кто еще. Теток много, и каждая считает своим долгом высказаться. Говорят они быстро, Тимофей понимает едва ли половину. Но о смысле догадаться несложно.

– Вы обязаны были предупредить нас о том, что у ребен-

ка случаются припадки!

– Но это происходит очень редко... Их не было уже почти год!

На маму жалко смотреть. Так бывает каждый раз, когда он ведет себя «как звереныш». В такие минуты Тимофей думает, как же сильно мама жалеет о том, что его родила.

– Мы работаем над этим. Мы занимаемся с психологом. Прогресс очень серьезный, если хотите, я могу предоставить справку...

– Предоставьте лучшее адекватное поведение ребенка, фрау Бурлакофф. Иначе нам придется с вами расстаться.

Тимофей сидит, опустив голову. Он уже понял, что из школы его не выгонят, хотя сам этому только обрадовался бы. Но для мамы важно, чтобы он туда ходил. Чтобы учился «как все», чтобы общался «с нормальными детьми».

«Тебя же выгонят!» – это, по маминому мнению, самое страшное, что может с ним случиться. Читать учебники и выполнять задания дома самостоятельно мама не разрешает. Она свято верит всему, что говорит психолог. А психолог говорит, что Тимофею необходимо адаптироваться в непривычной среде. И для этого очень важны, просто жизненно необходимы социальные контакты.

Психологу невозможно объяснить, что для Тимофея непривычна и некомфортна любая среда, в которой приходится общаться с людьми. Он не понимает людей. Люди не понимают его. Это аксиома, против которой не попрешь.

И никакие трижды проклятые контакты тут не помогут. Не излечат его от припадков – уж точно.

Припадки. Сам Тимофей привык называть это «провалами». Состояние, когда он будто проваливается в другую реальность. А вынырнув из нее, не помнит, что с ним было.

«Пиковое эмоциональное состояние порождает неосознанное желание уйти от реальности» – эти слова психолога он выучил еще в раннем детстве.

Иногда просто впадал в подобие анабиоза и переставал реагировать на внешние раздражители. А иногда уход от реальности провоцировал агрессию. Тимофей дрался, кусался, во втором классе попытался задушить учительницу. На самом скучном из всех возможных уроков – рисовании – он, вместо того чтобы раскрашивать дурацкую открытку на Восьмое марта, записывал в дневнике размышления о том, что бесконечность на самом деле – конечна.

Учительница на Тимофея накричала, отобрала дневник и пообещала, что выкинет «эту дрянь» в окно. На то, чтобы задушить учительницу ее же шейным платком, сил у него, конечно, не хватило.

Психолог советовал не называть припадки – припадками. Он сам и мама с его подачи говорили: «сложная ситуация».

Мир взрослых лицемерен. Взрослым нравится прятаться за красивыми словами и обтекаемыми формулировками... Странно. Ведь красота формулировок никак не влияет на суть явления. Но в мире взрослых много странного и неле-

ного, к этому Тимофеей привык.

Ему ко многому пришлось привыкнуть. И это угнетало — чем дальше, тем больше. Давило ощущением какой-то глобальной несправедливости. И пониманием того, что бороться против нее бесполезно, его все равно никто не услышит.

Психолог старался. Назначал лекарства и сеансы терапии. Тимофея вывозили на природу, в контактные зоопарки, записывали в миллион идиотских кружков. Пичкали все новыми таблетками.

От каких-то препаратов ему постоянно хотелось спать, другие вызывали аллергию и расстройство желудка. Но мама не прекращала борьбу. Она поставила перед собой цель — вылечить сына, превратить его в «нормального человека», и шла к этой цели напролом. В итоге припадки действительно стали реже, а потом вовсе сошли на нет.

Психолог праздновал победу. Откуда ему было знать, что победил не он? Победила девочка, которая жила напротив. Вероника.

Когда в жизни Тимофея появилась Вероника, ему стало легче. Вероника понимала людей. Она сама была одной из них — в отличие от него, «инопланетянина», как в сердцах называла Тимофея мама.

«Инопланетство» нового друга Веронику, единственную из всех, кто его окружал, почему-то не раздражало. Ей было не сложно и даже весело разъяснять Тимофею странные

слова и поведение людей.

Вероника училась в другом классе, она была на год младше Тимофея, но на переменах неизменно оказывалась рядом с ним. Когда их впервые попробовали дразнить «женихом и невестой», гордо объявила: «Ну да! Тиша станет великим ученым, я выйду за него замуж, и мы уедем жить на остров Баунти, который в рекламе показывают! А если тебе завидно – молчи, за умного сойдешь». Запас подобных словечек Вероника всегда держала наготове.

Припадков не стало потому, что с Вероникой в жизни Тимофея появилось нечто вроде прослойки между ним и окружающим миром. Прикасаться к миру стало не так больно. Не так остро... Многого стало «не так».

А после переезда прослойка в виде Вероники исчезла. Потому и случился припадок – а вовсе не оттого, что Тимофей перестал пить таблетки. Он почти год назад перестал их пить! Но не рассказывать же об этом психологу.

Тимофей и прежде, в России, не говорил врачам о Веронике. А уж тут... Психолог – солидный, седовласый поляк, худо-бедно умеющий говорить по-русски, понятия не имел, кто такая Вероника.

Войдя в вестибюль гостиницы, Тимофей остановился и выразительно посмотрел на Веронику. Та ответила ему удивленным взглядом:

– Что? Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Она сама везла свой чемодан на колесиках, наслаждаясь самоощущением просвещенной европейской дамы, которая пользуется абсолютно равными правами с мужчинами. Тимофей приехал с одним лишь рюкзаком, куда, похоже, кроме ноутбука поместилась только смена белья.

– Это же... твоя работа, – сказал Тимофей, взглядом указав на стойку, за которой улыбалась миловидная шатенка в пиджаке с бейджиком.

Вероника смирив шатенку взглядом, бегло улыбнулась в ответ и обратилась к непосредственному начальству:

– Слушай, когда я откликнулась на вакансию, там ничего не было сказано про владение немецким языком!

– Ты не откликнулась на вакансию, – немедленно ответил Тимофей. – Я сам написал тебе и позвал...

«Господи, какой же он зануда! – мысленно закатила глаза Вероника. – Это ведь сейчас на полчаса лекция».

Впрочем, Тимофей уложился быстрее.

– Я думаю, она поймет английский, – обнадежил он Веронику под конец своего «пламенного» спича.

– Про английский в описании вакансии тоже ничего не было, – с ангельским выражением лица отозвалась Вероника и, прежде чем Тимофей успел что-то возразить, покатила чемодан к стойке.

Девушка поприветствовала ее словесной конструкцией, напомнившей гроыхание танков по полям сражений.

– Хай! – растянула губы Вероника. – Ви вонт ту лив хиа. Ай энд май бойфренд. Кэн ду ю хелп ас?

– Я ведь забронировал номера! – процедил сквозь зубы Тимофей, материализовавшись рядом. – Тебе нужно было всего лишь показать паспорта!

И он выложил на стойку свой.

– Так бы и сказал. – Вероника полезла в карман за документами и подмигнула девушке: – Руссо туристо!

Девушка ни разу не изменилась в лице, пока вбивала в компьютер данные. Видимо, и не таких чудиков видела на своем посту. А вот Вероника подобной выдержкой похвастаться не могла. Поэтому у нее буквально челюсть отвисла, когда девушка на чистейшем русском сказала:

– Пожалуйста, вот ключи от ваших номеров, лифт в конце вестибюля, третий этаж. Завтрак – с восьми до одиннадцати, в ресторане на первом этаже. Желаю вам приятного времяпрепровождения. Более подробную информацию о проживании и пароль от вай-фай вы найдете на карточке на столе...

– Вы русская? – выпалила Вероника.

Не услышала, а почувствовала, как тяжело вздыхает Тимо-

фей. Ну да, тупой вопрос. Что поделать, не всем быть гениальными сыщиками Неонами.

– Я студентка, по обмену, – сказала девушка.

– Кру-у-уто, – протянула Вероника, не зная, что именно считает крутым в этой ситуации.

– Кстати, – спохватилась студентка по обмену. – Господин Бурлаков, вам просили передать письмо.

– Письмо? – дернулся Тимофей.

Вероника демонстративно вздохнула, но Тимофей даже не взглянул в ее сторону. Он схватил белый, без марки, конверт, на котором от руки была написана только его фамилия латиницей.

– Спасибо, – сухо сказал Тимофей и двинулся к лифту. Вероника поторопилась за ним, сжигаемая любопытством.

Войдя в номер, Тимофей первым делом отыскал карточку с паролем от беспроводного интернета и ввел нужные комбинации в телефон и ноутбук. Когда у тебя проблемы с общением с живыми людьми, интернет – твоё лучшее и единственное оружие. А оружие нужно всегда держать под рукой, в полной боевой готовности. Иначе какой в нём смысл?

Сжимая письмо в руках, Тимофей сел на кровать. Он долго смотрел на конверт, где знакомой рукой была выведена его фамилия. Потом – на свои руки, которые дрожали.

Прошлое снова накатывало на него. Он знал, что поездка будет тяжелой, но также знал, что не сможет от неё отказаться. Некоторые долги нужно закрывать. По крайней мере, те из них, которые ты считаешь долгами.

Медленно Тимофей вскрыл конверт и достал сложенный лист бумаги. Лист был вырван из середины тетради в клетку, как будто письмо написала школьница. Школьницей Тимофей ее и запомнил.

Привет, Тим!

Ты, судя по всему, совсем не изменился. Знаешь, твоя мама немного обиделась на то, что ты решил остановиться в отеле. Я говорю «немного», но... ты ведь знаешь свою маму. Я хотела отправить тебе e-mail, но не решилась – вдруг ты

расценишь это как преследование с моей стороны.

Мы так долго не общались. Я понимаю, что тебе тяжело вспоминать все случившееся с тобой, твоими близкими... Я – часть этих воспоминаний. Потому тоже не вмешивалась в твою жизнь. Но сейчас мне действительно нужна твоя помощь.

Я гуглила тебя, как могла, но ты – тайна за семью печатями, всегда таким был. В твоём блоге снимается другой человек, а твоего лица никто не знает. Даже у мамы, оказывается, нет твоих фотографий. Я не представляю, как ты выглядишь сейчас. Но мне кажется, я сумею узнать тебя по взгляду. Спустись в вестибюль гостиницы в три часа дня, если хочешь проверить.

Твоя Габриэла.

P.S. Я знаю, что ты приехал со своей девушкой. Было бы очень интересно с ней познакомиться.

Тимофей посмотрел на заставку с часами, бегающую по заблокированному экрану ноутбука. Часы показывали начало второго по местному времени. Он думал, у него будет время, чтобы подсоединиться к этому городу. Почувствовать его, прежде чем заговорить с кем-то из прежней жизни... Пока же он чувствовал себя повисшим в вакууме и невесомости.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

– Это ведь твой?

Она догнала Тимофея, когда тот шел из школы. Остановилась перед ним и протянула руку. На ладони девочки лежал оранжевый мячик.

– Ты знаешь, что мой. – Он говорил тогда с жутким акцентом. – Иначе не подошла бы ко мне.

Девочка насупилась:

– Я хотела тебе помочь.

– Тогда просто отдай.

Девочка, помедлив, протянула Тимофею мячик.

– Спасибо. – Он спрятал мяч в рюкзак.

– Меня зовут Габриэла, – сказала девочка.

Еще полгода назад он промолчал бы – как молчал, получая любую информацию, которая его не интересовала. Но на курсах адаптации столько раз приходилось произносить отзыв на этот пароль, что нужные слова вылетели сами:

– Очень приятно. Меня зовут Тим.

– Я знаю. – Девочка улыбнулась. – Фрау Беккер говорила, как тебя зовут. Мы же с тобой учимся в одном классе. Ты, наверное, меня пока просто не запомнил... Не обращай внимания на Нойманна и других дураков! Они напугались тебя и больше не полезут.

– Ты была там? – спросил Тимофей.

– Да. Случайно увидела, как они кидают твой рюкзак. Побежала звать фрау Беккер, но, когда она пришла, ты уже сцепился с этим идиотом. А потом фрау Беккер сказала, что ты не в себе, и я побежала звать врача. Что с тобой было? – Габриэла заглянула ему в лицо.

– А что сказал врач?

– Что это нервный припадок.

– Он прав. Так и есть.

– Нервный – потому что эти дураки тебя довели, да? – Габриэла смотрела на него с сочувствием. – Я все рассказала фрау Беккер! Нойманн пытался говорить, что ты первый на него напал, но я сказала, что видела, как они над тобой издевались. Сказала, что, если надо, я готова пойти к фрау Зигфрид и еще раз все подтвердить. Но к фрау Зигфрид меня не позвали. А когда из коридора все ушли, я увидела мячик. И сразу поняла, что это твой. У меня есть старший брат, он полицейский. Он сказал, что, если родители Нойманна нажалуются, тебя могут исключить из школы. – Габриэла замолчала, вопросительно глядя на него.

Тимофей тоже молчал. Он не понимал, чего она хочет. Она ведь не задавала вопросов.

– Ну? – наконец спросила Габриэла.

– Что?

– Тебя ведь не исключили?

– По-видимому, нет. Если позволили сегодня присутство-

вать на уроках.

Габриэла прыснула, вдруг до ужаса напомнив этим Веронику. Сказала:

— А ты смешной. Знаешь, я решила, что буду за тебя заступаться. Подруга моего брата работает в службе поддержки эмигрантов. Она говорит, что среди вас немало хороших людей, и таким людям надо помогать. Что у себя дома вам жилось плохо, поэтому вы и переехали. Если Нойманн опять полезет к тебе, я скажу, что пожалеюсь брату. У тебя есть братья или сестры?

— Нет.

— А у меня и брат, и сестра! Брат уже взрослый, а сестренка пока только в начальной школе. Хочешь как-нибудь прийти ко мне в гости?..

Габриэла сидела на диване в вестибюле отеля и бездумно проматывала френдленту на смартфоне, хотя мысли ее были далеки от мельтешащих перед глазами картинок. Это действие было для нее чем-то вроде перебирания четок – инструментом для погружения в транс. Впрочем, как и для многих других, надо полагать.

Жизнь, до недавних пор напоминающая безупречно ровное скоростное шоссе, уводящее к горизонту, внезапно превратилась в выщербленную плохо освещенную дорогу, петляющую по району, где лучше не забывать блокировать двери.

Последний пост Габриэла сделала неделю назад, и под ним набралось уже несколько сотен тысяч комментариев. Медленно, но верно зарождалось недовольство. Люди ждали от нее новостей. Габриэла сделала себе имя как блогер-путешественник, и миллионы людей, лишенные возможности уехать дальше пригорода, с ее помощью познавали мир.

Была, впрочем, и небольшая часть тех, кто мог позволить себе путешествия, – эти смотрели ее видео, чтобы решить, стоит ли им ехать туда-то и туда-то.

Были и хейтеры, уверяющие, что подписчикам интересна только ее смазливая мордашка. Что ж... Может, они и недалеки от истины. В этой нише работает много людей, но Га-

Габриэла оставила позади большинство из них и сделала это сама, без спонсоров, без маркетингового отдела. И не так уж важно, с помощью чего она добилась того, чего добилась. Сомневаться в себе ее в детстве забыли научить, да и потом как-то не сложилось.

Но вот теперь, когда она собралась, быть может, в самое важное путешествие в своей жизни, случилось все это. Брю...

Габриэла стиснула смартфон так, что стекло едва не треснуло. Вспомнила выражение лица мамы, когда та говорила: «Ты же не уедешь? Ты же не оставишь сестру в таком состоянии? Мы – семья, нам нужно держаться вместе!»

«Держаться» у Габриэлы получалось плохо. Зато она умела решать проблемы. Если не получается решить проблему одним способом – реши ее десятью другими. Таким было ее жизненное кредо.

Движение. Габриэла вскинула ресницы. Девушка на ресепшене – та, с акцентом, – сменилась, уступив пост другой, постарше, и исчезла из виду. Прозвучал мелодичный сигнал, открылись двери лифта, оттуда вышел молодой мужчина в деловом костюме без галстука и пошел к дверям. На ходу он быстро набирал какой-то текст в смартфоне, не глядя по сторонам, полагая, будто весь мир расступается перед ним.

Нет, это – точно не Тим.

«А если – он? – заорал внутренний голос, когда мужчина вышел в стеклянные двери гостиницы. – Что, если ты ошиб-

лась? Вы не виделись четырнадцать лет! Он сейчас может быть совершенно другим. Он может быть хоть хрупким очкариком в мятом пиджаке из секунд-хенда, хоть загоревшим в солярии качком в обтягивающей майке, хоть этим самым бизнесменом, договаривающимся о деловой встрече по дороге на деловую встречу!»

Габриэла закрыла глаза, сделала глубокий вдох, потом – выдох и пожелала себе заткнуться.

Это – не Тим. Просто потому, что не может быть им. Это не тот, кто спустя столько лет и столько событий приедет в чужую страну, дабы оказать услугу почти чужому человеку, не получив с этого никакой выгоды.

Вновь прозвучал сигнал, и Габриэла открыла глаза. Сердце подпрыгнуло куда-то в область горла и затрепыхалось там, как птица, попавшая в западню.

Парень, вышедший из лифта, напоминал бы уголовника, если бы не взгляд. Взгляд был отрешенный, задумчивый. У уголовников взгляды не такие, эти ребята привыкли всегда быть начеку.

Стриженный под машинку парень был одет в джинсы, серую футболку без принта и ветровку. Джинсы были длинноваты, подшить или подвернуть их он не догадался.

Габриэла встала. Уже сделав первый шаг навстречу, она заметила, что парень не один. Рядом с ним шла девушка с длинными светлыми волосами. Красивая... По идее, это она должна была первой бросаться в глаза, и ей это, кажется, бы-

ло делом привычным. Но Габриэлу интересовала не она.

– Тим, – сказала она, остановившись перед парнем.

Он замер, внимательно осмотрел, даже ощупал взглядом ее лицо.

– Габриэла, – сказал тем же тоном, каким прочитал бы название стирального порошка в супермаркете. – Я очень рад тебя видеть.

«Нет, ему не плевать, – успокоила себя Габриэла. – Просто Тим – это Тим».

Она заставила себя улыбнуться и весело сказать:

– За четырнадцать лет твой немецкий лучше не стал!

Немецкая речь оглушила Веронику. Тиша отвечал мало, редко. В его исполнении фразы на чужом языке звучали как проклятия, но Габриэла в ответ только звонко смеялась и продолжала трещать, как «шмайссер». Разумеется, о том, чтобы представить Веронику, Тиша даже не задумался. Вероника не обиделась – она хорошо знала, какие сложные отношения связывают его с правилами поведения в обществе.

И все-таки при виде этой оживленно жестикулирующей красотки – в жизни Габриэла выглядела ничуть не хуже, чем на фото, – сердце неприятно зацарапало. Вот только что они с Тишей были тут, в чужой стране, вдвоем. А теперь Вероника осталась одна. Она незаметно отошла в сторону, чтобы не мешать «голубкам», как мысленно окрестила эту пару. И на кого-то натолкнулась спиной.

– Сорри, – дернулась Вероника и, повернувшись, увидела знакомую девушку со стойки. Только теперь та была в кроссовках, легком платье до колена и наброшенной поверх джинсовке.

– Да фигня, – улыбнулась та, и улыбка ее была теперь совершенно другой – не дежурной, а располагающей к себе. – А вы тут, типа, отдыхать или по делам? Ничего, что я пристаю? Просто не каждый день соотечественников встретишь.

– По делам, – вздохнула Вероника. – Мы всегда по де-

лам...

– Ясно. Меня Ксенией зовут.

– Вероника.

– Вероника, а у тебя какие планы на вечер? Тут недалеко прикольный клуб есть, можно сходить. Ниче такого, но место приличное. И русскоговорящих там много.

– Вряд ли, – сказала Вероника, бросив сумрачный взгляд на Тимофея. – Он меня в свои планы не посвящает. Не знаю, когда ему взбредет в голову меня вызвать.

Ксения внимательно посмотрела на Тимофея с Габриэлой – которая как раз подняла руку и как бы невзначай коснулась Тишиного плеча, не переставая что-то говорить.

– Это, конечно, не мое дело, но зря ты позволяешь своему парню так с собой обходиться, – с чувством сказала Ксения. – Ты заслуживаешь лучшего.

– Он не мой парень! – почему-то покраснела Вероника. – Он мой... – Она на несколько секунд зависла, потом вспомнила социально-приемлемое обозначение для связавших ее с Тишей непростых отношений. – Он мой начальник.

– Ну да, – как-то странно фыркнула Ксения. – Ладно, если надумаешь в клуб – попроси девчонок на ресепшене, чтобы меня набрали. Покеда.

И она двинулась было прочь.

– Постой! – Вероника схватила ее за руку. – Слушай, а ты ведь понимаешь по-местному?

– Я вэщет DSH сдавала, – похвасталась Ксения.

DSH так DSH, сдавала так сдавала. Вероника не стала спрашивать, что сия аббревиатура обозначает, сообразила, что не стеклотару.

– Можешь послушать, о чем они говорят?

– Да без проблем!

Ксения решительно двинулась к болтающей в режиме монолога паре. Вдруг у нее с плеча совершенно случайно соскользнула сумочка и упала. Ксения тут же опустилась на корточки. Заметила, что со шнурками кроссовок что-то не так. Потом, встав, достала из сумочки телефон, что-то там потыкала и вернулась.

Вероника мысленно поставила ей десять баллов из десяти за проявленный артистизм. Хоть к Вовану в пару бери, в роликах сниматься.

– Знач, так, – сказала Ксения, вернувшись к Веронике. – Стратегия «бедная овечка».

– Чего? – выпучила глаза Вероника.

– Болтает про какую-то свою сестру, у которой страшные неприятности и которой нужна серьезная помощь. Зовет куда-то там ехать в пригород. Стопудов никакой сестры или нет, или та вообще не в курсе про свои проблемы. Короче, если вдруг сегодня соберется куда-то «по делам» без тебя – можешь искать его у нее в койке.

– А он чего? – спросила Вероника, не став лишний раз напоминать про свои исключительно рабочие отношения с Тимофеем. – Он же что-то отвечал.

– Спросил, есть ли там гостиница, – фыркнула Ксения. –
В пригороде...

Вероника робко надеялась, что Габриэла как-нибудь рассосется в течение часа. Увы, она оказалась дамой настойчивой. Хотя, с другой стороны, чего еще можно ожидать от блогерши с шестью миллионами фолловеров, которая сама делает все, не стесняясь даже светить лицом на камеру.

Противостоять такому напору Тимофей не мог чисто физически, а Вероника – в силу языкового барьера. В результате все трое оказались в ресторанчике неподалеку от отеля. Был ли это поздний обед или ранний ужин, понять было сложно.

Раскрыв меню, Вероника с облегчением увидела, что важнейшая информация дублируется на английском. Тыкая пальцем в картинки, заказала овощной суп и сырную тарелку. Отказалась от выбранного Габриэлой вина. Только после этого Габриэла соизволила обратить на нее внимание и что-то сказала.

Ответил ей Тимофей. Вероника пнула его под столом, и Тимофей обратил к ней свой терпеливый взор.

– Это запрос на общение? – поинтересовался он.

– Нет, это ты меня бесишь, – огрызнулась Вероника. – Что она спросила?

– Спросила, не на диете ли ты. Я ответил, что ты недавно пережила серьезное отравление, поэтому пока твой рацион

сильно ограничен, не говоря уж об алкоголе.

– Ты мог бы перевести мне ее вопрос! – возмутилась Вероника.

– И что бы ты ответила?

– Что меня недавно отравила сумасшедшая вдова-проститутка из-за твоих панических атак, и я теперь вынуждена питаться всякой безвкусной дрянью!

– Я так и сказал. К чему была совершенно излишняя коммуникация?

Вероника задохнулась от возмущения. Секунд десять она лихорадочно размышляла, что сказать, чтобы пробить эту стену холодного безразличия. Потом вспомнила, что пробитой ее не видела никогда, и сдалась.

– Не буду мешать вашей неизлишней коммуникации, – мрачно сказала она, встав из-за стола. – Ишч виль, ду хаст, ду рич су гут, – добавила, обратившись к обалдевшей Габриэле.

И пошла к выходу из ресторана, по пути чуть не столкнувшись с официантом, который нес ее суп.

Добравшись до гостиницы, Вероника подошла к стойке, облокотилась на нее и попросила позвонить Ксении. Судя по результату, попросила вполне сносно: девушка-администратор подняла трубку, набрала длинный номер и, сказав пару фраз, протянула трубку Веронике.

– Але, подруга, это ты? – послышался знакомый голос. – Надумала?

– Живем один раз, – отважно ответила Вероника. – Куда идти?

– Жди в лобби на первом этаже, я на такси приеду. Десять минут!

* * *

Было уже темно, когда Вероника, опираясь на руку Ксении, вышла на свежий воздух. Она едва успела отойти на два шага от парадного входа и склониться над урной – ее вырвало.

– Бли-и-ин, – прокомментировала растерянная Ксения. – Ты чего не предупредила, что тебе пить-то нельзя? Пипец... Скорую вызвать? У тебя есть туристическая страховка?

– Н-не надо, – пробормотала Вероника, которую вдруг на-

чало знобить.

Дрожащей рукой она достала телефон, разблокировала и протянула Ксении.

– П-п-позвони Тише. Вот его номер.

– «Тише»?

– Угу.

– Это, типа, твой начальник?

Вместо ответа Веронику сотряс еще один сильнейший спазм. В желудке, судя по ощущениям, завелась ржавая бензопила. Когда получилось вновь воспринимать окружающий мир, Вероника услышала голос Ксении:

– Э-э-э... Здравсьте! Это Ксения, администратор с ресепшена «Интерконтиненталь». Я тут с Вероникой, ей фигово... Адрес? Записывайте...

Откровенно говоря, Вероника думала, что Тиша просто вызовет на нужный адрес скорую, и уже приготовилась лежать на каталке, слушая над собой немецкую речь, и воображать себя раненым бойцом, сжимающим гранату, к которому приближаются, весело болтая, гитлеровские солдаты. Однако вместо sireны скорой она услышала знакомый голос:

– Дура.

После чего знакомые руки подхватили ее и куда-то понесли, не обращая внимания на щебет встревоженной Ксении.

– Пей, – сказал Тимофей.

Он говорил это всю ночь. Вероника пила воду с содой, просто воду, воду для запивания активированного угля. Ходить от кровати к туалету сил не было, поэтому ее фактически носил туда и обратно Тимофей.

– Никогда больше не буду пить, – простонала Вероника, скорчившись в постели на боку.

– Пей, – скучным голосом сказал Тимофей. – Тебе нужно хорошо промыть желудок.

– Можешь не употреблять при мне таких слов, как «желудок»? – простонала Вероника.

– Постараюсь. – Шутки он не понимал, как и всегда. – Я отправил матери список блюд и продуктов, которые тебе можно употреблять. Пока мы будем у нее в гостях, ничего другого в доме не появится.

– М-мы едем к твоей м-м-маме? – Веронику трясло. Тимофей, сидя на корточках рядом с кроватью, с каменным выражением лица вытер пот у нее со лба.

– Габриэла предлагала пожить у нее. Но я счел это неприемлемым. Я не общался близко ни с ее сестрой, ни с родителями, и с ней самой не виделся много лет. Я также не в большом восторге от перспективы проживания с матерью. Но она мне, по крайней мере, родственница.

– Какие у вас трогательные отношения с мамой...

– На то есть причина.

– Рас-с-скажи?

– Долгая история.

– А я н-никуда не тороп-п-плюсь...

– Хорошо. Только если выпьешь стакан воды.

Вероника со стоном приподнялась на локте и взяла стакан.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Мама Тимофея принадлежала к той породе людей, которые в любой ситуации, как бы хорошо она для них ни складывалась, уверены, что заслуживают лучшего. Отец был лишен таких амбиций. Он работал слесарем в автомастерской.

Помимо официальной работы, отец брал «левые» заказы, и до определенного момента его заработки маму устраивали. Пока она однажды не решила, что для достижения лучшего необходимо перебраться за границу.

Мама работала в компании, занимающейся импортом. Знала английский и немецкий языки, читала эмигрантские форумы и пришла к выводу, что люди, умеющие работать руками, в Европе – нарасхват. Кроме того, переехав, они тем самым обеспечат будущее единственного сына. Которого здесь, при его-то странностях, ждет, безусловно, тяжелая и незавидная участь. За границей к «странностям» относятся гораздо толерантнее – по крайней мере, так утверждали форумы.

Переезд в Германию, вопреки надеждам мамы, не стал открытием золотой жилы. Работу отец действительно нашел без труда, но деньги рекой не полились. Да и отцу, почти не знающему языка, вдали от родины приходилось ту-

го. Прежде выпивающий только после смены, перед тем, как уйти на выходные, здесь отец изменил привычки. Алкоголем от него пахло все чаще.

Через четыре месяца после эмиграции мама и отец разошлись. Этому предшествовали долгие ссоры и громкие скандалы. Они случались и раньше, до переезда – повзрослев, Тимофей понял, что отец был просто не в состоянии удовлетворять мамины амбиции. Он не смог бы этого сделать никогда и ни в какой стране, как не смог бы удовлетворить эти амбиции сам Тимофей. А эмиграция обострила конфликт и приблизила развязку.

Когда Тимофея позвали для «серьезного разговора» и объяснили, что теперь мама с папой будут жить раздельно, он не удивился. Молча кивнул.

– Ты даже ничего не скажешь? – обескураженно спросила мама.

– А я должен что-то сказать?

– Не спросишь, как часто сможешь видеться с отцом?

– Ты повторила это дважды. Мы будем видеться два раза в неделю, один в будни, один в выходные. Если я захочу, то можно чаще.

– Д-да, – пробормотала мама. – Действительно. Но... Ты никак не отреагировал. Тебе что – все равно?

Тимофей подумал.

– Нет. Не все равно.

– Так скажи хоть что-нибудь! – Мама начала злиться.

– Что именно?

– О боже! Ну... Как ты относишься к нашему решению?

– Положительно.

– Положительно?! Это что – шутка? – вскинулся отец.

До сих пор он сидел в кресле в углу гостиной и в разговор не вмешивался.

– Нет, – процедила мама. – Твой сын не умеет шутить. За столько лет мог бы запомнить.

– Все он умеет! Просто ты слова не даешь сказать! Ни ему, ни мне.

– Это я не даю?!

Тимофей решил вмешаться. Когда они начинали кричать, у него звенело в ушах.

– Если вы будете жить раздельно, то перестанете ссориться, – сказал он.

Отчим появился в их доме через месяц после ухода отца. Тимофей видел Штефана и раньше, мама несколько раз приглашала его на ужин. Штефан был ее коллегой по работе. В ответ на сообщение матери о том, что теперь Штефан будет жить с ними, Тимофей молча кивнул.

Под утро Вероника сумела заснуть, а когда открыла глаза, ее ждала тарелка с черствым белым хлебом.

– Попросил принести сразу после твоего звонка, – сказал Тимофей. – Сейчас он как раз в нужной кондиции.

– Это самое романтическое пробуждение в номере у парня из всех, что у меня когда-либо были, – сказала Вероника хриплым голосом.

Желудок все еще ощущался, но кризис однозначно миновал. Молодой и сильный организм, который так хвалили врачи в больнице, где она лежала, вновь победил.

– Завтракай, прими душ и поедem, – сказал Тимофей.

Он подвинул к кровати маленький столик на колесиках. Кроме тарелки с хлебом, там стоял стакан осточертевшей за ночь воды. Сам Тимофей сел за большой стол, на котором стоял ноутбук.

Вероника осторожно откусила хрустнувший кусочек хлеба, тщательно пережевала и, проглотив, прислушалась к ощущениям. Ничего страшного не происходило.

– Так. – Вероника откашлялась. – Значит, у этой самой Габриэлы есть сестра Бр-р-р... Как ее зовут, напомни?

– Брюнхильда, – отозвался Тимофей, вглядываясь в экран. – Все называют ее просто Брю.

– Даже спрашивать не буду, кого родители любят боль-

ше, – пробормотала Вероника. – Одну дочь назвать Габриэлой, а вторую – как бронетранспортер.

– Брюнхильда – это персонаж древнегерманских мифов, валькирия.

– Спасибо, Википедия. Так она, значит, получает анонимки с угрозами?

– Да.

– И что, бравая немецкая полиция ничего не может с этим сделать?

– Ничего. Человек, который подбрасывает анонимки, очень хорошо знаком с домом и с его обитателями. Вычислить его не удалось.

– А ты как собираешься его вычислить?

– Для начала ознакомлюсь с полученными письмами. Потом предложу временный переезд. Куда-нибудь подальше. Посмотрим, что получится в итоге.

Вероника дожевала первый кусок хлеба, запила его водой. Подумала и спросила:

– Слушай, я одного не понимаю: я-то тебе тут зачем? Я при всем желании не сумею ни с кем поговорить за тебя. Разве что с Ксенией. Но если анонимки шлет она – это будет слишком сказочное совпадение. Ты просто используешь меня, чтобы превратить меню твоей мамы в дерьмо?

– Не только это. – Тимофей повернулся к Веронике, внимательно ее оглядел. Вероника представила, как сейчас выглядит, и покраснела.

– Что? – развела она руками.

– Насколько я понимаю, мама хочет, чтобы я женился на Габриэле. Поэтому я бы хотел, чтобы ты изображала мою девушку. С которой у меня очень серьезные отношения. Ты должна убедить ее в том, что от меня не отступишься. Что Габриэла тебе в этом вопросе – не конкурент, как бы сильно ни хотелось маме заполучить ее в невестки. Напоминаю, кстати, что с мамой ты можешь разговаривать свободно. Русский – ее родной язык.

Вероника, раскрыв рот, смотрела на Тимофея. Тот, подумав, добавил:

– Это, разумеется, не входит в круг твоих обязанностей. Я просто прошу об одолжении.

– Изображать твою девушку? – переспросила Вероника. – А... Это как вообще?

– Самому интересно, – пожал плечами Тимофей и вновь повернулся к компьютеру.

Вероника, у которой внезапно пропал аппетит, встала и направилась в сторону душа. Чемодан со своими вещами она обнаружила возле двери. Тимофей, как всегда, предусмотрел все.

На середине пути Веронике снова сделалось нехорошо. Измученный бессонной ночью организм укачало в такси, к горлу подкатила тошнота.

– Осталось около десяти минут, – сказал Тимофей, перекинувшись парой фраз с водителем. – Как ты оценишь свои перспективы доехать без остановки?

– Как дерьмо, – пробурчала Вероника.

– Не понял аналогии.

– А это, Тиш, не аналогия. Это моя философия жизни сейчас.

– Мне попросить водителя остановиться?

Вероника с трудом сфокусировала взгляд на пейзаже, пролетающем за окном. Там тянулся спальный район, видимо, после него начнется тот самый пригород.

– Не смотри в боковое окно, – сказал Тимофей. – Это усилит нагрузку на вестибулярный аппарат.

Вероника хотела огрызнуться, но ее и в самом деле начало мутить от пролетающих мимо столбов. Повернув голову, она уставилась на дорогу через лобовое стекло. Встретила взгляд водителя в зеркале заднего вида, тот что-то сказал.

– Что он говорит? – спросила Вероника.

– Говорит, что ты зеленая, – перевел Тимофей.

– Скажи ему, что зеленый – самый модный цвет в этом

сезоне.

Вероника мужественно дотерпела до конца поездки. Когда въехали в пригород, ей даже стало интересно.

– Почему все дома окрашены одинаково? – спросила она.

– Видимо, этот момент прописан в соглашении, – сказал Тимофей. – Цвет краски, цвет занавесок, высота деревьев на участке...

– Очень удобно, если пьяный возвращаешься домой.

– Люди, которые здесь живут, если и напиваются до такого состояния, чтобы не различить номер дома, возвращаются на такси.

Водитель затормозил излишне резко. А может быть, так просто показалось: Веронике сейчас любое движение казалось излишне резким. Она поспешила открыть дверь и буквально вывалилась на тротуар перед одним из одинаковых участков. Слева и справа от калитки росли аккуратно постриженные кусты, каждая травинка на газоне была не выше и не ниже соседних.

Вероника надеялась, что на свежем воздухе ей полегчает, но от этой одинаковости вдруг сделалось совсем нехорошо. Как только Тимофей открыл перед ней калитку и провел на участок, она сунула голову в ближайший куст. Тело сотряс мучительный спазм.

За миг до того, как это случилось, Вероника заметила, что открылась дверь дома и на крыльце кто-то появился.

– Твоя спутница что – пьяная? – услышала Вероника пер-

вые за долгие годы слова от своей «будущей свекрови».

– Укачало в такси, – сказал Тимофей, стоя рядом.

Он все еще держал ее за руку.

Вероника заставила себя выпрямиться, вытереть губы тыльной стороной ладони и сфокусировать взгляд на лице женщины на крыльце. В детстве ей не было никакого дела до того, как выглядит мама Тимофея. Все, что могла припомнить, – это вечно недовольное выражение лица.

За четырнадцать лет выражение не изменилось. Лицо – за которым наверняка следили и тщательно ухаживали в салонах красоты – выглядело, тем не менее, будто старый лимон. Такое же кислое и брезгливо сморщенное.

– Мама – это Вероника, Вероника – это мама, – сказал Тимофей.

– Она ведь не будет так меня называть? – тут же ошети-нилась мама.

– Я буду называть вас Елена Сергеевна, – попыталась улыбнуться Вероника. – Так можно?

Во взгляде женщины отчетливо читалась мысль, что, с ее точки зрения, лучше всего было бы, если бы Вероника не называла ее никак и вообще сию секунду провалилась сквозь землю. Желательно таким образом, чтобы не повредились аккуратные серо-желтые плитки дорожки, ведущей к крыльцу.

С немалым трудом Веронике удалось вспомнить лицо мамы Тимофея из далекого прошлого в Энске и совместить с

лицом дамы, которая стояла перед ней сейчас. Та Елена Сергеевна всегда была какой-то замотанной, вечно спешащей, но никуда не успевающей; ее хотелось пожалеть. А эта напоминала злую царицу из сказки.

– Заходите в дом, – обронила царица и скрылась из виду.

– А она тебя точно ждала? – спросила Вероника, которой после ухода мамы Тимофея мгновенно стало лучше.

– Да, – сказал Тимофей, глядя на приоткрытую дверь дома. – Просто она считает, что я должен испытывать чувство вины, поэтому ведет себя так.

– Чувство вины за что?

– За то, что я лишил ее человека, которого она, в отличие от меня, любила.

Сказав это, Тимофей шагнул вперед и потянул Веронику за собой. А Вероника пыталась понять, что он имел в виду. Что мать не любила Тимофея, а любила этого человека? Или что она любила этого человека, а Тимофей – нет? А может, и то и другое сразу?..

Веронике выделили отдельную комнату. Она этому очень обрадовалась – можно закрыть дверь и отсечь от себя весь этот странный чужой мир. По крайней мере, до тех пор, пока желудок не придет в относительную норму. Однако Тимофей неожиданно взбрыкнул.

– Я ведь сообщил тебе, что мы с Вероникой живем вместе уже несколько лет, – сказал он маме.

Та уперла руки в бока.

– Вы женаты? – спросила она, не глядя на Веронику.

– Нет, но наши отношения подходят под определение гражданского брака.

– Об этом мы с тобой еще поговорим, – пообещала Елена Сергеевна. – А пока – я не собираюсь терпеть разврат в своем доме.

– Я тоже, – пробормотала Вероника, прислонившись плечом к стене, и тем самым добилась-таки внимания Елены Сергеевны. – Даже намек на разврат сейчас не вытерплю...

Наконец она осталась одна. Улеглась на кровать, закрыв глаза ладонью, и мгновенно вырубилась. Разбудил ее стук в дверь.

– Да? – дернулась Вероника.

– Это я.

– Заходи.

Дверь открылась, Тимофей прошел в комнату и устался на Веронику.

– Как ты себя чувствуешь?

– Приемлемо, – пожала она плечами, сидя на кровати.

– Мама зовет обедать.

– Угу. – Вероника зевнула. – Сейчас.

– Потом придет Габриэла, начнем работать над делом. Я бы хотел управиться как можно скорее.

– Мне кажется, я не понравилась твоей маме, – осторожно сказала Вероника.

– Разумеется. Ты не понравилась ей задолго до того, как она тебя увидела, – согласился Тимофей.

– А она помнит, что я когда-то была вашей соседкой?

– Нет. И не нужно, чтобы вспомнила. Это – лишняя для нее информация.

– Слушай, я совсем запуталась, – призналась Вероника. – Что я должна делать, объясни? Попытаться с ней подружиться?

– Это невозможно, – сказал Тимофей. – Если у тебя нет собственного бизнеса национальных масштабов или состояния, доставшегося от родителей, тебе совершенно нечем вызвать расположение моей матери.

– И как мне тогда себя вести? – развела руками Вероника.

– Как обычно. Говори о чем хочешь. Раздражай ее. И старайся не отходить от меня ни на шаг.

– Так я буду тебе только мешаться, а не помогать.

Тимофей вдруг подошел к Веронике и сел рядом с ней на кровать. Заглянул ей в глаза.

– Ты уже мне помогаешь, – сказал он. – Там, на улице, у меня чуть не случилась паническая атака. Но мне нужно было заботиться о тебе, и это меня удержало. Ты – мой спасательный круг. Если я выберусь отсюда – то только благодаря тебе.

Вероника от неожиданности икнула. Тимофей встал, протянул ей руку.

– Пойдем обедать.

– Пойдем, – согласилась Вероника, положив свою ладонь в его. – Овсянка на воде сама себя не переварит.

ЖИТЕЛЬНИЦА МЮНХЕНА СТАЛА ЖЕРТВОЙ АНОНИМЩИКА

Простая девушка, живущая в Мюнхене, внезапно оказалась мишенью маньяка. Она получает анонимные письма с угрозами. На вопрос журналиста жертва, пожелавшая остаться неизвестной, ответила: «Это настоящий кошмар, я всего лишь хочу, чтобы меня оставили в покое!»

Как сообщает близкий к следствию источник, в настоящий момент у полиции нет рабочих гипотез. Преступник действует чрезвычайно осторожно и не оставляет никаких следов.

Напомним, что три месяца назад жертвой кибербуллинга оказался подросток из Дюссельдорфа...

– Габриэла! – Брю сбежала по лестнице вниз и обнаружила Габриэлу за кухонным островком, где та возилась с какими-то бумагами. – Ты это видела?

– Видела что? – Габриэла быстро накрыла бумаги своим ежедневником и поднесла к губам чашку с кофе.

– Это! – Брю сунула сестре в лицо смартфон с открытой на нем статьей.

Габриэла взяла смартфон, пробежала глазами статью и по-

жала плечами:

– Ну, этого следовало ожидать. Я, конечно, настоятельно попросила, чтобы история не вышла наружу, но...

– Ты попросила?.. – Губы Брю задрожали.

– Тише-тише, – заволновалась Габриэла.

Она поставила чашку, обежала островок и обняла сестру.

– Брю, успокойся! Клянусь, что они не знают о тебе ничего. Ни имени, ни адреса. Это может быть вообще простым совпадением! Ребятам нужно чем-то забивать ленту, и они сочиняют новости, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть и к которым не выкатить претензии.

– Я ведь им ничего не говорила, – глухо пробормотала Брю, уткнувшись ей в плечо.

– Знаю, – терпеливо сказала Габриэла, глядя ее по голове. – Ты ни с кем не говорила. И, поверь, скоро мы поймем этого ублюдка.

– Слушай. – Брю отстранилась от сестры, посмотрела ей в глаза. – Ты ведь можешь написать опровержение?

– Опровержение чему? – нахмурилась Габриэла.

– У тебя аудитория выше, чем у этих так называемых журналистов! – взмахнула смартфоном Брю. – Ты можешь сделать интервью со мной, и я расскажу правду!

– Какую правду, Брю?

– О том, что в этой статье всё – ложь!

Габриэла помотала головой, как делала всегда, когда запутывалась и не могла сообразить, что к чему.

– Но, Брю, единственное, в чем они солгали, – это привели твои слова, которых ты им не говорила. Там нет имени, они скажут, что речь идет о другой девушке, только и всего...

– Да пусть говорят, что хотят, главное, что люди узнают правду! – взвизгнула Брю.

– Ладно-ладно, – подняла руки Габриэла. – Я подумаю над этим.

– Ты *подумаешь*? – прошипела Брю. – Тебе-то легко думать, ничего не делая! Не тебе он присылает все это дерьмо!

– Брю! – воскликнула Габриэла.

– Что?! Я попаду в ад, потому что произнесла нехорошее слово? Чем ты вообще тут занимаешься? Что это все такое?

Габриэла попыталась остановить сестру, но не успела. Брю выдернула пару мятых листов из-под ежедневника и ахнула.

**«Ты набита дерьмом, сука, и я выпотрошу тебя.
Не благодари».**

**«Мир, в котором могут жить такие безмозглые
шлюхи, не может быть ничем, кроме ада».**

Брю выронила листы и попятилась, глядя на сестру широко раскрытыми глазами.

– Ты...

– Брю, помнишь, я говорила тебе про своего друга? Про Тима, с которым мы дружили в детстве? – быстро заговорила Габриэла. – Он приехал, я встречаюсь с ним через полчаса. Он во всем разберется, обещаю! Он найдет этого недоделан-

ного Гая Фокса!

– Но я ведь выбросила эту дрянь, – пролепетала Брю.

– А я достала. Извини, – потупилась Габриэла.

– Ты... Ты...

Не договорив, Брю развернулась и бросилась бегом вверх по лестнице. Габриэла, вздохнув, подняла листы и вернула их обратно в стопку.

– Что за шум? – В кухню вплыла мама, завязывающая на ходу пояс халата. Как всегда, вовремя.

– Брю расстроилась из-за того, что я вытащила из мусорного ведра письма, которые она выбросила.

Мама, взявшаяся за ручку чайника, замерла и посмотрела на дочь.

– Зачем ты это сделала? Боже мой, Габриэла, твоя сестра хочет забыть об этом кошмаре и жить нормальной жизнью, а ты...

– Мама, не я пишу ей эти ужасные письма! – повысила голос Габриэла. – Жить нормальной жизнью не получится, пока этот человек на свободе. Для того чтобы вырезать аппендикс, необходимо сделать разрез, и это – больно. Больно, но необходимо – понимаешь?

Мама опустила взгляд и включила чайник. Насыпала кофе в любимую кружку.

– Тим приехал? – ушла от ответа она.

– Да, я как раз иду к нему, – вздохнула Габриэла.

– Как он?

– Прекрасно. Совсем не изменился. Приехал со своей девушкой...

– С девушкой? – Мама метнула на Габриэлу странный взгляд, но та ничего не заметила.

– Ага. Ее зовут Вероника.

– Как-как? Веро`ника?

– Нет. Именно Верони́ка, по-русски это имя произносится так. Они с Тимом работают вместе.

– Ах, работают... Ну, это многое меняет. Откровенно говоря, не думала, что у Тима когда-нибудь появится девушка. Он казался таким отстраненным, совершенно не от мира сего. До сих пор не понимаю, отчего вы с Вернером были так привязаны к этому странному мальчику...

– Мне пора, мам, – перебила Габриэла. – Надеюсь, скоро мы со всем разберемся.

Она подошла к маме, попыталась ее поцеловать, но та внезапно отпрянула. Недовольно передразнила:

– «Скоро разберемся»! Тебе опять не терпится куда-то улететь на полгода? Так и скажи.

– Мам, ты чего? – удивилась Габриэла.

– У твоей сестры трагедия! А ты только и мечтаешь поскорее от нее отделаться, чтобы вернуться к своим бесконечным путешествиям.

– Ничего подобного! Я пытаюсь ей помочь!

– Лучшее, чем мы можем ей помочь, это быть рядом. Быть ее семьей, сколько раз я могу повторять! Ах, если бы ваш

отец не ушел из жизни так рано...

Габриэла закатила глаза и отвернулась.

Ей казалось, что переезд в родительский дом из собственного уютного гнездышка, где все было устроено так, как нравилось ей, – это уже очень много. Проживание под одной крышей с людьми, которые хоть и являются ее родней, на самом деле бесконечно далеки от того мира и образа жизни, что выбрала для себя она, – если и не подвиг, то что-то очень близкое к нему.

На переезде, разумеется, настояла мама. Она считала, что тем самым Габриэла облегчит страдания бедняжки Брю.

Габриэла живет здесь уже месяц, и пока как-то не очень похоже, что мамина теория работает. Однако если она попытается об этом заикнуться – в ответ не получит ничего, кроме новой порции упреков...

Хотя вообще-то, положи руку на сердце, мама права. Ей действительно не терпится поскорее покончить с этим идиотом анонимщиком и вернуться в привычную среду обитания.

В свой дом. К своим путешествиям... Она ведь действительно очень любит то, чем занимается. Ловит от этого нереальный кайф.

Новые города, страны, отели, потрясающей красоты пейзажи, ковер из облаков под крылом самолета, новые знакомства и новые впечатления – да что вообще в мире может быть лучше?! Но мама и Брю – последние люди на земле, которым

можно это объяснить. Вот папа – тот всегда ее понимал. Но папа умер больше двух лет назад.

– О'кей, мама, мне пора.

– Конечно! Тебе всю жизнь – «пора»!

Габриэла схватила с островка ежедневник и стопку листов, вышла из дома. Задержалась лишь для того, чтобы проверить почтовый ящик. В нем лежало только одно письмо без обратного адреса.

Сердце у Габриэлы сжалось. Она быстро взглянула вверх, на окно спальни Брю. И ей показалось, что занавеска на окне колыхнулась.

– Вот, – сказала Габриэла, торжественно положив перед Вероникой простенький планшет. – Это программа-переводчик. Она распознаёт речь, переводит ее в текстовый формат, а здесь, внизу, появляется перевод на русский. Я подумала, что будет невежливо разговаривать при тебе на немецком.

Они обосновались в гостиной дома фрау Бурлакофф, матери Тима. Фрау Бурлакофф уехала по делам, оставив на столе блюдо с овсяным печеньем, которое грызла только Вероника. Габриэла избегала перекусов между приемами пищи, а Тим был просто Тимом, как и всегда.

Вероника, держа в руке надкушенное печенье, прочитала перевод на экране планшета, кивнула и что-то сказала.

– Если хочешь говорить, просто нажми сюда, и он будет работать в обратную сторону, – сказала Габриэла и потянулась к экрану.

– Она сказала: «Спасибо, очень мило с твоей стороны», – мрачно ответил Тим, и рука Габриэлы замерла на полпути.

– Ну да, – рассмеялась Габриэла. – Тим, ты специально так делаешь, чтобы все в твоём присутствии чувствовали себя глупо?

Вероника, прочитав перевод, оживленно закивала, а Тим, чей взгляд блуждал по разложенным на столике листам, ска-

зал:

– Нет. Не специально. Здесь все письма, которые были получены?

Его грамматика была безупречна. Далеко не все уроженцы этой страны говорили так дотошно правильно. В отличие от произношения – оно было просто чудовищным. Но все-таки Габриэла прекрасно его понимала. А когда-то в детстве, помнится, она не замечала акцента вовсе. Дети многого не замечают, когда сосредотачиваются на главном.

– Вот эти листы – фотокопии, – сказала Габриэла, показав пальцем. – Я сфотографировала их и распечатала...

– А где оригиналы?

– В полиции, как улики. Полиция ведь тоже занимается расследованием этого дела, Вернер постарался подключить все свои связи.

– Понятно. Какое письмо было получено первым?

– Вот это. – Габриэла вытянула распечатанный на принтере листок из-под других.

– «Желаю тебе содохнуть в страшных мучениях, тупая шлюха», – прочитал Тим.

Переводчик, видимо, был в чем-то похож на ребенка. Он тоже без проблем разбирал слова, произнесенные Тимом, и, соответственно, переводил.

Вероника хмыкнула. Нажала на экран и что-то спросила. Габриэла посмотрела на немецкий текст на экране: «Так написано в письме или он просто рад тебя видеть?»

Тимофей резко ответил по-русски, и к переводу добавилась еще одна строчка: «В письме».

Вероника ответила возмущенной интонацией. «Хорошо, чтобы нарушить общение девушек», – прочитала Габриэла.

Похоже, Вероника опасно близко подошла к пределам возможностей машинного перевода. Сопоставив прочитанное с услышанной интонацией, Габриэла заключила, что Вероника попросила Тима не вмешиваться в их разговор.

Однако Тим эту просьбу проигнорировал.

– Я правильно понимаю значение слова hure? – спросил он. – Женщина, ведущая беспорядочную половую жизнь?

– В общих чертах – да, – кивнула Габриэла.

– Ясно. Это слово часто повторяется, значит, выбрано не случайно. Возможны два варианта, и оба они связаны с сексом. Вариант первый: письма шлет парень, который влюблен в Брюнхильду, но не получает взаимности.

Вероника что-то сказала, Габриэла прочитала перевод и возмущенно откашлялась. Там было написано: «Это может быть и не парень. Мы в Европе».

– Может быть, – невозмутимо согласился Тим. – У Брюнхильды есть отношения с кем-либо? С парнем или с девушкой?

– Да какие отношения? – вздохнула Габриэла. – Она почти не выходит из дома. Если с кем и общается – так только в Сети. Она... очень замкнутая. Всегда такой была.

Вероника фыркнула и выразительно посмотрела на Тима.

Тот проигнорировал подначку, а вот Габриэла улыбнулась. Да, в чем-то они были похожи – Тим и Брю. Может, поэтому тогда, в детстве, Габриэла так легко с ним и подружилась. Просто восприняла его как младшего брата.

– Второй вариант, – сказал Тим, – письма шлет девушка, у которой Брюнхильда отбила парня.

– Тим, – покачала головой Габриэла, – это всё не то. Полиция уже проверяла эти версии. Но у Брю нет никаких отношений, ни с кем. Честное слово. Я живу в родительском доме уже почти месяц, и за это время к ней никто не приходил.

– А Брю? – спросил Тим. – Выходила?

– Ну, мы с ней несколько раз выбирались в город...

– Ты видела ее все время? Она не оставалась одна?

– Я не помню точно. Может, и оставалась.

– В этот момент она могла с кем-то встречаться.

– Зачем ей скрывать такое?

– Габриэла. – Тим впервые за встречу поднял взгляд и посмотрел ей в глаза. – Я здесь, потому что полиция не может раскрыть это дело. Полиция не может его раскрыть, потому что они – люди. И мыслят человеческими категориями. С их точки зрения, нет смысла скрывать отношения, если речь идет о твоей безопасности. Эта точка зрения завела их в тупик. С моей точки зрения, человек – это хаос. Установить закономерность в этом хаосе – моя работа. Мне нужно осмотреть комнату Брюнхильды, когда ее там не будет. Она не должна знать, что я буду ее обыскивать... Точнее, не я. –

Руки Тима, сжимающие письмо, дрогнули, и он быстро опустил взгляд. — Вероника, ты этим займешься. Мне понадобятся фотографии с места и всё, что покажется тебе подозрительным. Всё, что хоть косвенно сможет указать на возможность отношений Брюнхильды с неким неизвестным человеком.

Переводчик из планшета успокаивал. По крайней мере, теперь Вероника точно знала, о чем разговаривают Габриэла и Тимофей. Конечно, ей трудно было следить за интонациями тараторящей Габриэлы, не говоря уж о выражении лица – оно могло тридцать раз измениться, пока Вероника читала перевод с планшета.

Но в чем она уж точно могла быть уверенной, так это в том, что интонации и выражения лица Тимофея не изменились никак. Так же, как с Габриэлой, он разговаривал бы с банковским служащим или... Или с Вероникой.

И все же он предпочел, чтобы именно Вероника отправилась обыскивать комнату Брю.

– Искренне надеюсь, что ты не собираешься меня подставить, – сказала Вероника, входя в дом, располагавшийся в двух кварталах от дома мамы Тимофея. – Если меня возьмут на проникновении в чужое жилище, это серьезно осложнит международные отношения.

Габриэла остановилась, внимательно прочитала перевод, потом что-то ответила и показала Веронике экран.

«Я не опущусь до такого примитивного противостояния», – было написано там.

Вероника от неожиданности часто заморгала. Благоприятный образ Габриэлы, который она постаралась выстроить

в голове, дал трещину. Значит, противостояние все же есть, но оно – не примитивное? Ладно, принято.

Тут же Вероника зажмурилась и мысленно выдала себе подзатыльник. Чего «принято»? Какое противостояние? Господи, это же надо было так запутаться!

Открыв глаза, Вероника увидела добродушную улыбку Габриэлы.

– О'кей, – сказала Вероника и первой двинулась к лестнице на второй этаж; Габриэла поторопилась следом. – Расскажи мне о своей сестре.

Спустя несколько секунд, которые потребовались программе, чтобы перевести ее слова, послышался ответ. Вероника прочитала его, остановившись перед закрытой дверью.

«Это я расскажу Тиму, если ему понадобится».

– Дорогая, – ослепительно улыбнулась Вероника, – если *Тиму* что-то от тебя понадобится, он скажет об этом мне. И ему по фигу, как именно я буду из тебя эту информацию добывать, поверь. Если ты внезапно умрешь и я найду некроманта, который допросит твой труп, а потом все расскажу ему, то он пропустит мимо ушей известия и о твоей смерти, и о существовании некромантии – как не имеющие отношения к делу. Может, когда-то в детстве он и был другим, но теперь все изменилось. Я работаю с ним не первый год. Знаю, о чем говорю. Так что мой тебе совет: лучше не трать время без толку.

Ответ Габриэлы поразил своей лаконичностью и затаен-

ной безысходностью: «Тим никогда не был другим. В детстве я была тобой».

Веронике показалось, что ударение было сделано на слове «я».

Грустно улыбнувшись, Габриэла толкнула дверь.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

В тот день мама затеяла в квартире генеральную уборку. Тимофея и Штефана выставила, чтобы не мешали. Им было велено идти в парк аттракционов и не возвращаться раньше пяти часов вечера.

Тимофей до последнего надеялся, что вместо парка аттракционов Штефан отведет его в кино. Парк находился на другом конце города, а кинотеатр – в торговом центре неподалеку. И рядом с торговым центром весьма удачно располагалась любимая пивная Штефана. Но отчим был настроен решительно. Во всем, что касалось Тимофея, с мамой он не спорил. Был уверен, что Елена лучше знает, как воспитывать ее сына. Психолог это подтверждал.

Люди.

Кругом люди. Какое-то невероятное количество людей. Хотя, если задуматься, это объяснимо. Выходной день, хорошая погода – в такие дни человеческий планктон отчего-то считает себя обязанным покинуть дом. Прирастить собой людскую плантацию – и без того кажущуюся бескрайней.

Толпы народа – везде. На улицах, в парках, в ресторанах и торговых центрах. Люди улыбаются. Многие – вполне ис-

кренне. Им приятно то, что происходит вокруг. Их не пугает шумная толпа. Не раздражают громкая музыка, зазывалы с рекламными листовками, беготня и крики детей. Им не хочется нестись отсюда со всех ног. Не хочется закрыть глаза и уши, остаться наедине с собой...

– Тим? Ты в порядке? – Штефан остановился, заглянул ему в лицо. – Мне кажется, ты побледнел.

Штефан был неплохим дядькой. Он искренне старался подружиться с Тимофеем.

Так советовал психолог. Еще один высокообразованный специалист, пытающийся «помочь непростому мальчику».

Специалист, который, несмотря на образование, не сумел осознать элементарную вещь: этому мальчику не нужна помощь. Ему не нужны друзья. Лучшее общество, которое он может представить, – свое собственное. Лучший звук, который воспринимает как ангельское пение, – тишина.

Хотя Штефану надо отдать должное: он довольно быстро понял, что единственный способ подружиться с Тимофеем – это ему не мешать. Старался не препятствовать никаким его занятиям и обращался к пасынку только тогда, когда это было, по его мнению, необходимо. Вот как сейчас.

– Нет, – сказал Тимофей. – Я не в порядке.

– Плохо себя чувствуешь?

– Физически – как обычно. Но мне некомфортно находиться в окружении людей. И ты об этом знаешь.

Штефан вздохнул:

– Да, знаю. У тебя проблемы с социализацией. Но с этим ведь надо бороться, верно?

– Нет.

– То есть?

– То есть я не думаю, что с этим надо бороться.

Штефан помолчал. На лице его последовательно проступила целая гамма эмоций. Тимофей без труда расшифровал все.

«Боже, как же тяжело с этим чокнутым мальчишкой! И зачем только мы потащились в парк? Пока он сидит дома, он хотя бы молчит. Разговаривать с ним не обязательно. С каким удовольствием я отвез бы его домой! Но Елена будет недовольна. Мальчику нужна социализация».

Штефан натянул на лицо добродушную улыбку. Потренировал Тимофея по плечу. Тот постарался не поморщиться – хотя терпеть не мог чужих прикосновений.

Штефан ему все-таки ничего плохого не сделал. Он такой же заложник маминого произвола, как сам Тимофей.

Они пошли дальше.

– Какие аттракционы ты выбираешь?

Они остановились перед огромным стендом с нарисованной на нем схемой парка.

– «Русские горки», а? – Штефан подмигнул. – Ты любишь быструю езду, русский парень?

– Нет. Не люблю. И, кстати, в России этот аттракцион

называют «Американские горки».

– Вот как? – удивился Штефан. – Почему?

– Не знаю. Не интересовался.

Тимофей изучал стенд. Если уж отвертеться от посещения аттракционов не получится, нужно выбрать что-то максимально не раздражающее. Такой аттракцион, с которого ему не захочется прыгнуть на ходу – чтобы перестать слышать вопли, издаваемые соседями.

«Веселый поезд».

«Русские горки».

«Безумная карусель»...

– Вот. – Тимофей ткнул пальцем.

– Колесо обозрения? – спросил Штефан.

– Да. Ты не знаешь, сколько человек сажают в кабинку?

– Если хочешь, я выкуплю все посадочные места, – с готовностью предложил Штефан. – И мы с тобой поедem вдвоем.

– Я могу поехать один. Если не возражаешь.

– Конечно!

У Штефана, похоже, с души упал не камень, а целая горная гряда. Наконец-то он хоть ненадолго избавится от общества Тимофея.

– Может быть, ты хочешь проехать не один круг? – Он заговорщически подмигнул.

– Да. – Тимофей принял игру. – Лучшие два. Или даже три.

– Договорились!

К аттракциону они почти бежали.

Среди того немногого, что Тимофеем нравилось в этой стране, было подчеркнутое невмешательство в дела других людей. На родине контролер непременно задавала бы Штефану вопрос, для чего тот выкупил целую кабину, если мальчик всего один.

Здесь спросили лишь, исполнилось ли Тимофеем двенадцать лет, и попросили в качестве доказательства предъявить социальную карту.

Когда Тимофеем проходил сквозь рамку металлоискателя, та запищала.

– Металлические предметы? – спросила у него полная женщина-контролер. – Ключи, ремень?

Тимофеем отрицательно покачал головой. А потом вспомнил. Помедлив, нырнул рукой во внутренний карман куртки и вытащил отвертку.

– О... – Контролер растерялась. Видимо, нечасто тринадцатилетние мальчишки извлекали из карманов подобные вещи. – Такие предметы не разрешается брать с собой на аттракцион. Оставь это здесь. Потом заберешь.

– Можешь отдать мне, – предложил Штефан. – Обещаю вернуть в целости и сохранности. – Он улыбнулся. Знал, что с отверткой Тимофеем не расстанется.

Позже – и даже много позже, уже став взрослым, – Тимофеем не раз задавал себе вопрос: а что бы случилось, если бы он отказался тогда отдавать отвертку? Не стал бы

кататься, и они со Штефаном все время, оставшееся до пяти часов, просто бродили по парку?.. Спрашивал – и не находил ответа. Он понятия не имел, как бы все повернулось в этом случае. Как сложилась бы его судьба.

А четырнадцать лет назад произошло то, что произошло. Тимофей отдал отвертку Штефану, прошел через рамку металлоискателя и принялся подниматься по ступенькам к посадочной площадке.

– Это – память, – услышал он за спиной голос Штефана. – Его память о покойном деду. Парень не расстанется с этой штукой. Скучает...

Тимофей обернулся. Штефан обращался к женщине-контролеру. Та сочувственно кивала.

Люди охотно верят в ложь – особенно если она красивая и трогательная. Гораздо с большей охотой, чем верят неприглядной правде.

Тимофей сел в кабину. Служащий закрыл за ним дверцы. Кабина тронулась.

Поднималась она со скоростью больной черепахи. Тимофея это более чем устраивало.

* * *

Отвертка действительно принадлежала его деду, отцу отца. Но дед умер, когда Тимофей был совсем маленьким. Деда он не помнил и уж точно по нему не скучал.

Он в принципе не скучал – никогда и ни по кому. Он вообще не понимал, как существу, обладающему разумом, может быть скучно. Если бы Тимофея не заставляли против воли заниматься всякой ерундой вроде протирания штанов за школьной партой, он не скучал бы ни единой минуты своей жизни. Нашел бы для себя массу полезных занятий.

А отвертку ему подарил отец. После того «серьезного разговора», перед тем, как уйти из их дома, он подошел к Тимофею. Протянул ему эту штуку и сказал: «Пусть будет у тебя. На память; тебя все-таки в честь деда назвали. А это – из его старого набора, я с собой привез. Дед ведь тоже слесарем был, как и я. Такой же мастер на все руки...»

«И пил так же», – немедленно вмешалась мама.

Через минуту разгорелся новый скандал, отец хлопнул дверью и ушел.

А Тимофеей, когда ему наконец удалось остаться в одиночестве, рассмотрел отвертку.

Она выглядела... настоящей. Как выглядели многие вещи, которые произвели давным-давно – в те времена, когда Россия называлась Советским Союзом.

Эти вещи изготавливали в стране, где слова вроде «дизайн» и «эргономика» были известны разве что филологам. Внешний вид товара – было последнее, что беспокоило производителя. В отличие от качества. Предметы, выходящие с производственных конвейеров той волшебной страны и несущие на себе гордый треугольный штамп «ОТК», долж-

ны были служить своими хозяевам годами и десятилетиями. Отвертка была одним из таких предметов. Отполированная хозяйскими ладонями деревянная рукоять – потемневшая от времени, но не попытавшаяся дать ни единой трещины. И длинное, сантиметров двадцать, стальное жало.

Тимофей не мог представить себе ситуацию, в которой ему могла бы понадобиться отвертка. Но отчего-то был уверен, что эта штука переживет и его самого, и его потомков – если таковые появятся. Отвертка внушала уважение. Казалась чем-то незыблемым и надежным.

Тимофей подумал и убрал отцовский подарок во внутренний карман куртки. Там, в кармане, весьма удачно обнаружилась петля, предназначенная для ношения карандаша или ручки. Здоровенная отвертка нырнула в эту петлю, как в родное гнездо. С тех пор Тимофей с ней не расставался. До сегодняшнего дня – пока не зазвенел металлоискатель.

* * *

Колесо обозрения поднималось все выше. Когда кроны деревьев, растущих вокруг площадки, остались внизу, Тимофей разглядел Штефана. Тот закончил болтать с контролершей, купил в киоске стаканчик кофе и сел на скамейку. Развернул газету.

В те времена люди еще читали газеты. До наступления

эры смартфонов оставалось года три.

Колесо достигло высшей точки и начало опускаться. Штефана скрыли деревья, Тимофей перестал на него смотреть.

Он вообще не смотрел по сторонам. Наслаждался наступившим одиночеством. Когда колесо, совершая второй круг, снова поднялось над деревьями, Тимофей бросил взгляд на скамейку, где сидел отчим, машинально. Был на сто процентов уверен, что Штефан не покинет пост до тех пор, пока он, Тимофей, не вернется – отчим относился к своим обязанностям чрезвычайно ответственно. Тимофей был в нем настолько уверен, что даже не сразу понял, что Штефана на скамейке нет.

Очень странно. Совершенно не характерное поведение...

Тимофей встал с сиденья, пригляделся. И с изумлением увидел, что Штефан направляется в проход между киоском, торгующим кофе, и павильоном побольше – тиром.

Возле тира толпились люди. В следующую минуту они заслонили собой Штефана, но Тимофей был уверен – отчим направился именно туда, в проход между павильонами.

Еще одна странность. Зачем? Что ему там делать?

– Мне нужно сойти, – сказал Тимофей парню, обслуживающему аттракцион, когда колесо опустилось.

– Но у тебя еще один круг...

– Знаю. Но хочу сойти. Меня тошнит.

Парень понимающе кивнул и протянул Тимофею руку,

чтобы помочь выбраться из кабины. Тимофей сделал вид, что не заметил руки.

Он сбегал по ступенькам с посадочной площадки, быстро пошел к скамейке. То, что Штефан на нее так и не вернулся, разглядел еще издали.

А возле тира гомонила толпа. К билетной кассе на колесо обозрения выстроилась очередь – приехала экскурсия. Громкие голоса, смех, пестрая одежда, резкие запахи – все это окружило Тимофея, стоило лишь шагнуть за ограду аттракциона.

Он обходил людей, пытаясь пробиться к проходу между павильонами так, чтобы ни с кем не столкнуться. Огибая двух подружек, фотографирующихся на фоне колеса обозрения, нечаянно толкнул под руку пожилую даму. Дама держала на руках собачку. Собачка возмущенно затыкала. Ребенок лет четырех, услышав лай, заплакал...

Звуки, люди, запахи и краски окружили со всех сторон. Навалились так, что не вырваться. Тимофей вдруг понял, что парню на аттракционе не соврал. Его действительно тошнит.

До прохода между павильонами он добрел, шатаясь, уже плохо соображая, что и зачем делает.

Проход оказался узким, едва ли полметра шириной. При габаритах Штефана – крупного, пузатого дядьки, – пройти здесь, не задев стенку павильона, было невозможно. Тимофей увидел широкую полосу, оставленную на грязной стене

на уровне локтя взрослого мужчины. Он положил ладонь на эту полосу и пошел, ведя по ней пальцами – будто слепой.

Из прохода между павильонами Тимофей не вышел, а вывалился. Словно шагнул в другую реальность.

В этой реальности текла кровь.

Густая, темная – до сих пор он не знал, что у крови может быть такой оттенок.

Штефан умер мгновенно, от проникающего ранения в голову посредством глазницы. Иными словами, отвертку воткнули ему в глаз. Длинное жало пронзило череп почти насквозь, чуть-чуть не достало до затылочной кости. Его, Тимофея, нашли стоящим на коленях рядом с трупом. В руке он сжимал окровавленную отвертку.

Старенький «Гольф» пытался заглохнуть на низких оборотах. Двигатель задыхался, машина дергалась. Елена Сергеевна, хмурясь так, что мимические мышцы едва не сводило судорогой, завела машину на подъездную дорожку и с облегчением заглушила мотор.

Нужно было ехать в автомастерскую. Нужно было сделать взнос по кредиту. Нужно было... много чего. Елена Сергеевна никогда не призналась бы в этом, но она обрадовалась, когда получила от сына скудный список продуктов и требование, чтобы ничего другого в доме не было. Теперь ей не нужно залезать в еще *большие* долги, чтобы поддерживать иллюзию благополучия. Теперь у нее появилось оправдание.

Она вышла из машины, открыла багажник, достала пакет с продуктами. Крупы, овощи, хлеб, макароны. В доме было тихо, должно быть, все ушли. Разве что оставили эту Веронику, которая выглядит так, будто пытается завязать с наркотиками, не обращаясь в клинику. Толку от нее...

Елена Сергеевна открыла дверь, вошла в дом и тут же услышала шаги. По лестнице спускался Тимофей.

- Что это на тебе? – нахмурилась Елена Сергеевна.
- Спортивный костюм, – ответил сын.
- Я вижу, что спортивный костюм. Куда ты собрался?
- Мне нужно поддерживать тело в форме. В твоём доме

нет тренажеров, которые мне нужны.

– Ты мог бы спуститься и помочь матери принести продукты!

Тимофей окинул ее удивленным взглядом, но все же пошел и забрал легкий пакет. Отнес его в кухню, поставил на стол. Елена Сергеевна прошла следом за ним.

– Как Габриэла? – спросила она.

– Ты хотела спросить, как Вероника? – Тимофей поставил пакет на стол и повернулся к матери. – Габриэла здорова.

– Вероника меня не интересует, – отмахнулась Елена Сергеевна. И засуетилась, раскладывая покупки.

– Зато она интересует меня, – отрезал Тимофей.

– Ай, – поморщилась Елена Сергеевна. – Если бы ты только знал, как часто Габриэла о тебе вспоминала! Она постоянно заходила ко мне, спрашивала, как ты...

– Все эти годы Габриэла заходила к тебе и спрашивала обо мне, но ни разу не попыталась связаться со мной, – сказал Тимофей. – Так же, как и ты. Вплоть до недавних пор. Интересно, что же изменилось?

– Ты знаешь что! – Елена Сергеевна захлопнула дверцы шкафчика и повернулась лицом к сыну, скрестив на груди руки. – Эти ужасные письма, которые получает Брюнхильда...

– И которые отправляешь ты.

Под холодным взглядом Тимофея у Елены Сергеевны задрожали ноги.

– Ч-что? – прошептала она. – Я?!

Возле двери в комнату Брю Вероника обнаружила мольберт и кучу холстов. Но в помещении не пахло красками, и вообще непохоже, что кто-то притрагивался к этому хозяйству. Не видно было ни красок, ни палитры.

– Брю раньше рисовала, – пояснила Габриэла при помощи переводчика. – Там, внизу, висит одна ее картина.

– А почему бросила? – спросила Вероника.

Она уже начала привыкать к такому общению. Задать вопрос, дожидаться ответа, прочитать на планшете перевод, задать следующий вопрос.

– Сестренка ищет себя, – просто сказала Габриэла. – Это мне повезло, я занимаюсь тем, что люблю, и мне это не надо. Тиму, насколько понимаю, тоже. Но так бывает редко.

«Ну да, две уникальности, обреченные быть вместе», – мысленно фыркнула Вероника и перевела взгляд на книжную полку.

Прочитать названия книг она бы не сумела при всем желании. Зато статуэтка в виде женщины, обвитой гигантской змеей, перевода не требовала.

– Дьявол, – проследив за взглядом Вероники, пробормотала Габриэла.

– Что?

– Это... мое. Я имею в виду, эту статуэтку Брю подарила

мне. Это – одна из ее скульптурных работ. А я забыла ее забрать, когда переезжала в собственный дом.

Судя по лицу, Габриэла была очень смущена. Веронике это понравилось. А вот статуэтка – не очень. Грубо сделанное лицо девушки казалось искаженным от муки. Может быть, согласно замыслу скульпторши, девушка танцевала со змеей, но Веронике показалось, что змея ее душит. Хотя, возможно, девушке просто сильно хотелось в туалет.

– А это что? – Вероника подошла к столу. – Подкасты записывать?

Веронике по роду деятельности приходилось бывать в разных местах. В том числе как в любительских, так и в профессиональных звукозаписывающих студиях – поэтому оборудование она узнала сразу.

– Песни, – возразила Габриэла. – Брю хорошо поет.

– Надо же, сколько у нее талантов...

– Много. Но нет терпения развить хотя бы один.

Веронике, слух которой начинал привыкать к немецкой речи, показалось, что она слышит нечто вроде сестринской ревности или зависти. Она покосилась на Габриэлу.

– Что-то не так?

Габриэла ответила не сразу и с видимой неохотой:

– Ну... Брю ведь уже не маленькая девочка. А все ее постоянно опекают и защищают. По привычке, что ли... Она ведь младшая. Мама, Вернер (это наш брат), я... Мне кажется, было бы неплохо, если бы Брю научилась сама что-то

представлять собой в этом мире.

Вероника достаточно общалась с Тишей, чтобы суметь профессионально отделить зерна от плевел. Тиша бы сказал примерно так: «Желание, чтобы сестра что-то собой представляла, – рассудочное, оно не имеет особого значения. А вот зависть к тому, что сестру все опекают и защищают, идет изнутри, это важно».

Внутри Вероники все напряглось от мысли, что она сейчас, возможно, стоит рядом со злоумышленницей, которая посылает анонимки. Хотя... Вероника заставила себя расслабиться. Объективно: какой в этом смысл? Если анонимщик чего и добился своей деятельностью, так лишь того, что с Брю все начали носиться еще больше. Не стыкуется.

– Теперь я застряла здесь, – продолжила между тем жаловаться Габриэла, – потому что Брю, видите ли, страшно и одиноко. Хотя еще неделю назад я должна была уехать в Антарктиду.

– Куда? – изумилась Вероника. – В Антарктиду? Это... внизу карты? – Она показала пальцем себе под ноги. – Где лед и белые медведи?!

– Пингвины, – поправила ее Габриэла. – Белые медведи – в Арктике. «Арктос» – по-гречески «медведь». А Антарктида – антиарктос. Там нет медведей. – Она улыбнулась. – Видишь, запомнить очень просто.

– Да что там вообще делать? – недоумевала Вероника.

– Я веду блог о путешествиях.

– Это я знаю. Но что может быть интересного в Антарктиде? Там же... холодно!

Габриэла хотела было что-то с жаром возразить, но какая-то мысль ее остановила. Она помотала головой:

– Ты просто не понимаешь.

– Да уж. Это точно.

Вероника села за стол, где стоял компьютер Брюнхильды, и пошевелила «мышкой». Экран тут же ожил и дружелюбно предложил ввести пароль.

– Есть идеи? – повернулась Вероника к Габриэле.

Та пожала плечами. Потом, заинтересовавшись, склонилась над клавиатурой. Пальцы забегали по клавишам.

– Дата рождения – нет, «Брюнхильда» – нет...

– Попробуй «мировое господство», – предложила Вероника и в ответ на озадаченный взгляд Габриэлы пожала плечами.

Та ввела еще что-то на немецком, в два слова. Пароль не подошел.

– Видимо, последний немец, которому понравился бы такой пароль, просрал все полимеры в сорок пятом, – вздохнула Вероника.

Судя по выражению лица Габриэлы, переводчик выдал какую-то галиматью, да и слава богу. Не хватало еще поругаться из-за глупых шуток.

Взгляд Вероники поблуждал по стене и остановился на плакате.

– А это что за ребята? – спросила она.

Габриэла проследила за ее взглядом, хмыкнула и ввела, проговаривая вслух:

– Tokio Hotel... Неверно! Подожди... «Билл Каулитц»!
Есть!

– Даже не буду спрашивать, – сказала Вероника, подавшись вперед.

Габриэла уступила ей пространство и подошла к окну.

– Эй, ты далеко-то не уходи, – сказала Вероника, кликнув на браузер. – Я ведь не смогу понять, что у нее в истории. Или по крайней мере напиши, как по-немецки «сайт для желающих стать жертвами анонимных извращенцев».

– Подожди, – резко сказала Габриэла. – Мне показалось, я слышу машину.

– Их еще в девятнадцатом веке изобрели, это нормально.

– Ч-черт! Это мама и Брю возвращаются! Быстрее! Заблокируй все!

Габриэла кинулась к компьютеру. Все, что успела разглядеть Вероника, – это страница в соцсети с фотографией длинноволосого парня лет двадцати, который улыбался в камеру. И – имя: Леонхард Кляйн.

Елена Сергеевна быстро пришла в себя. Она уперла руки в бока и как будто бы стала выше ростом.

– Я?! – закричала она. – Отправляю анонимные письма дочери моей подруги?!

Тимофей с невозмутимым видом уселся на высокий табурет и задумчиво уставился куда-то мимо матери.

– Пока что это – самое правдоподобное объяснение происходящему из всех, что я вижу, – сказал он. – Прежде чем ехать сюда, я, разумеется, навел справки. Ты довольно долго жила на проценты с наследства Штефана. Потом, видимо, тебе показалось, что этого мало, и четыре года назад ты вложила основную сумму в акции. Поначалу все шло неплохо, но недавно акции, как это нередко бывает, обесценились, и ты осталась на мели. Практически без средств к существованию. Устроилась администратором в салон красоты, но получаешь там крохи. Одно только содержание дома в этом районе отнимает больше. Тебе срочно понадобился дополнительный источник дохода – и ты вспомнила обо мне. О том, что мы с Габриэлой в детстве дружили, а теперь занимаемся сходными видами деятельности. Габриэла – как и Брюнхильда – владеет пятью процентами акций компании покойного отца. Это серьезные деньги – не говоря уж о том, что ее собственный бизнес с лихвой закрывает все ее потреб-

ности. Если бы мы с Габриэлой заключили брак и я переехал сюда, твои финансовые трудности – по твоему разумению – решились бы сразу. Однако тебе нужен был предлог. Что-то, что заставило бы меня почувствовать себя обязанным приехать. Какое-то преступление, связанное с близкими людьми. Так возникла идея с анонимными письмами...

Елена Сергеевна не сразу обратила внимание, что лицо сына расплывается перед глазами. «Это что – слезы?» – с ужасом подумала она и часто-часто заморгала, но этим лишь ухудшила ситуацию. Слезы потекли по щекам.

Это – ее сын. Такой же, каким был в детстве. Отстраненный, безжалостный и сам не осознающий своей жестокости. Инопланетянин.

– Что... Что ты несешь? – прошептала Елена Сергеевна, пытаясь отыскать внутри себя достаточно ярости для крика. – Чтобы я... Я?!

И как только она собралась с силами и повысила голос, Тимофей уничтожил ее одной фразой:

– Мы оба знаем, что ты на такое способна.

Елена Сергеевна попятилась. Ноги отказывались держать вес ее тела, и она ухватилась руками за раковину.

– Это – всего лишь гипотеза, – слышала она голос сына точно сквозь вату, забившую уши. – Однако пока – самый правдоподобный вариант из всех, что я вижу. Хотя, разумеется, пока вариантов не так уж много. Учитывая то, как мне описали Брюнхильду, вряд ли ей пишет отвергнутый влюб-

ленный или проигравшая соперница. Здесь работают совершенно иные интересы. Я послал Веронику осмотреть комнату Брюнхильды только для того, чтобы поговорить с тобой с глазу на глаз. Ты позвала меня, чтобы я помог, – и я помогу. Я не хочу, чтобы ты села в тюрьму. Но история с анонимками должна прекратиться. Если она не прекратится, я продолжу расследование и рано или поздно докопаюсь до истины. Если ты хотя бы вполглаза следила за моей карьерой, то знаешь – я не проигрываю. Я не проигрывал даже в детстве.

Тимофей слез со стула и ушел. Хлопнула дверь. Елена Сергеевна, как будто кто-то отобрал у нее опору, медленно опустилась на пол и заплакала.

Брю, насупившись, сидела на переднем сиденье и сверлила взглядом крышку бардачка. Только по снижению скорости она поняла, что мама подъезжает к дому. Наконец машина остановилась, но мама не спешила выходить. Это означало, что сейчас будет разговор.

– Это был уже четвертый специалист, Брю, – негромко начала мама.

– Я умею считать, мам, – откликнулась Брю.

– Что не так с этим?

– С ними со всеми все одинаково не так. Требуют, чтобы я выворачивала душу наизнанку, рассказывала обо всех своих мыслях... Бр-р! – Она содрогнулась от воспоминаний. – Это хуже, чем сексуальное домогательство. Насильник, по крайней мере, не лезет к тебе в душу.

– Брю, прекрати, – покачала головой мама. – Ты же сама понимаешь, что тебе нужна помощь...

– Да, нужна! – Брю подняла голову и посмотрела на маму. – Нужна, только не такая. Меня преследует какой-то маньяк – а все пытаются делать вид, будто ничего не происходит!

– Полиция делает все, что может...

– Только вот они ничего не могут, – с каким-то мрачным удовлетворением произнесла Брю. – Кстати. А где Неон?

– Какой Неон? – не поняла мама.

– Тот друг Габриэлы, который приехал из России.

– Но его зовут Тим...

– Это раньше его звали Тим. А сейчас все знают этого парня как Неона. Он обычно не показывает лица, но в Сеть утекла запись со съемок шоу, где он разоблачал убийцу какого-то знаменитого повара.

– Ну надо же, – сказала мама. – А я думала, тебя интересует только Билл Каулитц. – Она попыталась улыбнуться.

Кровь бросилась в лицо Брю. Ничего не сказав, она дернула ручку и открыла дверь.

– Подожди! – закричала вдруг мама.

Брю повернула было голову уточнить, в честь чего такой крик, как в дверцу что-то с силой врезалось. Брю взвизгнула и выпустила ручку.

– Господи боже мой! – засуетилась мама, выбираясь со своего сиденья.

– Господи... – повторила Брю дрожащим голосом и поставила одну ногу на асфальт.

Рядом с открытой дверью лежал парень в спортивном костюме. В первое мгновение Брю показалось, что он мертв, но вот шевельнулась и согнулась в локте левая рука. Парень приподнялся и мотнул головой. Лицо его показалось Брю знакомым, хотя она готова была поклясться, что не видела его здесь ни разу. Значит, не здесь. Но где же тогда?

– С вами все в порядке? – спросила она, склонившись над

парнем.

Он не ответил. Видимо, все еще был оглушен ударом и падением.

Ветер задувал волосы в лицо Брю. Она нервным движением заправила прядь за ухо. Рука замерла в такой позиции. Брю почувствовала, как ее губы сами собой начинают улыбаться.

– Привет, – негромко сказала она по-русски.

Парень моргнул, и взгляд его прояснился.

– Привет, – так же по-русски ответил он, озадаченно глядя в лицо склонившейся над ним девушки.

– Меня зовут Брю, – сказала та.

Она выучила несколько фраз на русском с помощью приложения Duolingo, как только Габриэла обмолвилась, что разбираться с анонимками приедет тот самый Неон.

Казалось, что Земля остановила вращение. Но тут же иллюзия рассеялась – на Неона налетела мама.

– Молодой человек, вы не ранены? Простите, пожалуйста, мою дочь, она не посмотрела в зеркало, прежде чем открыть дверь... Да я и сама виновата, не надо было здесь останавливаться. Давайте мы зайдем к нам в дом, у нас есть антисептик и...

Неон окончательно пришел в себя. Он поднял левую руку, осмотрел разодранный на локте рукав лонгслива и кивнул:

– Да, благодарю вас. Это было бы уместно.

Его немецкий звучал просто ужасно.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Тимофей очнулся в больничной палате. Мама сидела рядом с ним – ее отыскивали быстро.

Ближайшие сутки Тимофея держали на успокоительных, и его мозг отказывался работать как должно. Даже картинка перед глазами размывалась, Тимофей почти все это время спал. Потом лечащий врач решил, что организм мальчика восстановился достаточно, и позволил полицейским провести допрос.

– Это принадлежит тебе? – Полицейский показал Тимофею фотографию отвертки.

– Да.

– Где ты это взял?

– Отец подарил.

– Для чего?

– На память о моем деду. Прежде отвертка принадлежала ему.

Полицейский обернулся. Вопросительно посмотрел на другого полицейского, стоящего за его спиной. Тот кивнул. Позже Тимофей узнает, что означали эти кивки: с его матери, с той женичины-контролера, со служащего у колеса обозрения и других людей уже сняли показания. Своими словами он подтверждал их слова.

– Зачем ты взял этот предмет с собой в парк?

– Низачем.

– Поясни?

– Отвертка мне не нужна. Я ношу ее с собой просто так.

Как вы носите в бумажнике фотографию жены.

– Откуда ты знаешь, что я ношу в бумажнике фотографию? – Брови полицейского удивленно приподнялись.

– У вас на пальце обручальное кольцо. – Тимофей указал на руку полицейского, лежащую на столе. – Оно потускнело, то есть женаты вы давно. Но кольцо не снимаете, хотя при вашей работе оно, вероятнее всего, иногда мешает. Следовательно, вы привязаны к своей жене. А значит, у вас в бумажнике просто обязана присутствовать ее фотография.

– Н-да. – Полицейский покачал головой. – А ты и впрямь необычный парень... Итак, направляясь в парк, ты взял с собой отвертку. Верно?

– Нет.

– То есть? Поясни?

– Я просто не стал выкладывать отвертку из кармана. Она всегда там была.

– Я так и сказал!

– Нет. Вы сказали, что я взял ее с собой. Это – разные вещи.

– Ну хорошо. – Полицейский потер лоб. – Она всегда была у тебя в кармане, о'кей. Расскажи, что было с тобой в парке.

— Мы пришли. Штефан купил мне билет. Я катался на колесе обозрения.

— Хорошо. А что ты делал после того, как сошел с колеса? Парень, который обслуживает аттракцион, сказал, что ты плохо себя почувствовал. Это так?

— Нет.

— То есть? — И снова вопросительный взгляд назад.

— Я сказал этому парню, что плохо себя чувствую. Я хотел сойти с аттракциона, хотя мог прокатиться еще один круг. Я так сказал для того, чтобы он не задавал лишних вопросов, а просто позволил мне сойти. На самом деле я нормально себя чувствовал.

— То есть ты обманул служащего?

— Да.

— Зачем?

— Потому что увидел с колеса, что Штефан встал со скамейки и заходит за павильон.

Снова быстрый обмен взглядами.

— И тебе это не понравилось? Штефан не должен был уходить, бросать тебя? Так? Поэтому ты решил сойти с колеса? Ты разозлился на него?

— Мне было безразлично, что делает Штефан.

— А почему же ты сошел?

— Потому что не мог понять, зачем он это сделал. Он вел себя странно. Мне захотелось узнать, почему он так себя ведет.

— Хм-м. Ну, допустим. И что же было дальше?

— Я... — Голос Тимофея дрогнул — впервые с начала допроса. — Я пошел за Штефаном.

— Куда?

— В этот проход. Между павильонами.

— А что было дальше?

Дальше был провал. Мир бросился ему навстречу и опрокинул.

Темная лужа. Отвертка в окровавленный ладони... Он не знал, было это наяву или в забытьи. Пронзительный крик — позже Тимофею скажут, что кричал он сам. На его крик и прибежали люди.

— Я не помню, что было дальше.

— Вообще ничего не помнишь?

— Вообще.

— Не лги мне! На допросе нельзя говорить неправду.

— Я не лгу...

— С вашего позволения, господин полицейский, я вмешаюсь. — Это психолог. Его привела мама. Сама она молчала в течение всего допроса, остановившимся взглядом смотря в стену. — У мальчика время от времени случаются припадки, во время которых он не отдает себе отчета в своих действиях. Если угодно, мы готовы предоставить любые подтверждающие документы.

— Даже не сомневаюсь. — Полицейский обернулся к коллеге, забрал у него из рук исписанные листы бумаги. Про-

тянул листы бумаги маме. – Это протокол, фрау Бурлакофф. Как совершеннолетний представитель вашего сына, ознакомьтесь и подпишите.

Мама взяла листы и, кажется, тут же о них забыла – рука с бумагами опустилась на колени, как неживая. Мама посмотрела на полицейского и не своим, осипшим от долгого молчания голосом спросила:

– Что же теперь будет?

Ответил внезапно другой полицейский – тот, что до сих пор стоял за спиной у первого. Он выглядел более доброжелательным.

– В связи с тем, что ваш сын несовершеннолетний, да к тому же нездоров, вероятнее всего, ему не будут предъявлять обвинение. Хотя, безусловно, назначат обследование и дополнительные занятия с психологом. Нашим психологом. – Последние слова полицейский выделил голосом, но Тимофей отметил это машинально.

«Обвинение» – вот слово, о которое он споткнулся. Слово, настолько невероятное и нелепое, что поначалу Тимофей пропустил его мимо ушей. Не сразу понял, о чем говорит полицейский.

«Вашему сыну не будут предъявлять обвинение»...

– Обвинение? – хрипло повторил Тимофей. – Вы... Вы что, хотите сказать, что это я убил Штефана?

Увидев Тимофея, входящего в дом в сопровождении женщины в годах и девушки помладше Габриэлы, Вероника удивленно округлила глаза. Если план и был таким – ее в него никто не посвящал.

Со всех сторон зазвучала немецкая речь. Планшет был у Габриэлы, и Вероника не могла понять ничего. Поэтому она тихонько приблизилась к Тимофею, которого усадили на диван, села рядом и спросила:

– Тиша, ты чего натворил?

– Познакомился с Брюнхильдой, – отозвался тот, с грустью осматривая разорванный рукав. – Скажи, ты умеешь шить?

– И не надейся, – заявила Вероника.

– Ясно. Что-нибудь нашла?

– Смотря что тебе интересно. Брю, как я поняла, натура быстро увлекающаяся и быстро остывающая. Она пробовала себя в рисовании, лепке, музыке...

– Ты видела ее работы?

– Одну статуэтку.

– Насколько она плоха по шкале от одного до десяти, где десять – статуя Давида?

– Не знаю... – задумалась Вероника. – Шесть?..

– Не так плохо.

– И что это для тебя значит?

– Значит, что у нее могут быть завистники по художественной части. Кто-то, кого она обошла в конкурсе или вроде того.

– Блин...

– Не расстраивайся. Думать – это моя работа.

Вероника в шутку замахнулась, но тут же опустила руку.

– Прибила бы! Но тебя, я смотрю, уже. Это, кстати, она? Брю?

Девушка с взволнованным лицом и чуть курносый носом приближалась к дивану со стороны кухни. В руках она держала аптечку.

– Симпатичная, – решила Вероника.

Она отметила несомненное сходство между двумя сестрами (Габриэла разговаривала о чем-то с мамой на повышенных тонах). Но если вся Габриэла, казалось, была на поверхности и не таила никаких секретов, то Брю производила впечатление девушки, глубоко погруженной в свой внутренний мир.

Не посмотрев на Веронику, Брю опустилась на корточки рядом с Тимофеем. Открыла аптечку и достала оттуда пластиковый пузырек. Тимофей, внимательно выслушав ее лепет, забрал пузырек и sprysнул ссадину, видневшуюся в прорехе рукава. От перевязки решительно отказался. Вероника фыркнула, вспомнив насыщенное детство в Энске. Вряд ли Брю знает, что это такое – носиться по пустырям и

заброшкам, будучи с ног до головы покрытым царапинами. Для Тимофея и сейчас подобная ссадина – ерунда, переки-сью он воспользовался, вероятно, только из вежливости. Вот спортивного костюма ему жаль, это точно. Тиша не из тех, кто обожает шопинг.

Наконец, суета унялась, аптечка исчезла. Мама Брю и Габриэлы ушла в кухню. Габриэла, вспомнив про Веронику, сунула ей в руки планшет, а сама подвинула пару кресел так, чтобы они все могли сидеть кружком. Будто заговорщики или члены тайного клуба.

Но не успела Габриэла раскрыть рта, как входная дверь открылась и появилось новое действующее лицо – мужчина лет сорока пяти, опирающийся на трость. К нему немедленно подбежала мама и обняла. Брю и Габриэла тоже вскочили.

– Кто это? – спросила Вероника, пнув Тимофея по ноге.

– Брат Габриэлы и Брю, – сказал Тимофей и встал. – Его зовут Вернер. Я должен поздороваться. Тогда, в детстве, он мне сильно помог...

Вероника вспомнила жуткую историю про отвертку, зябко повела плечами. Сказала:

– Держись. Мысленно я с тобой.

Тимофей самым серьезнейшим образом кивнул и пошел навстречу Вернеру такой походкой, будто колени у него не сгибались в принципе.

Вернер как-то незаметно, но очень быстро стал главой со-

брания. Для него придвинули еще одно кресло. Вероника невольно им залюбовалась. Серьезный, властный мужчина – он даже улыбался так, будто находил в этом некий особый резон.

– Итак, какие есть соображения? – спросил Вернер, перебрасывая трость из одной ладони в другую.

– Я предлагаю перевезти Брюнхильду куда-нибудь в другое место, – сказал Тимофей. – Так мы достигнем двух целей одновременно. Во-первых, снимем психологическое напряжение с Брюнхильды. Во-вторых, вынудим преступника что-то изменить. Пока что мы все играем в его игру. Если перепишем правила, ему придется соответствовать, и мы узнаем что-то новое.

«Так и скажи, что не хочешь больше жить со своей мамочкой», – мысленно поддразнила Тишу Вероника.

– Хорошая идея, – сказал Вернер. – Мне нравится. А куда мы ее перевезем?

– Не имеет особого значения, – сказал Тимофей. – Насколько я понял, по почте пришло лишь несколько писем. Остальные так или иначе оказывались в доме. На подоконнике, на крыльце, в почтовом ящике...

– И не только в доме, – перебила Брю. – Одно я нашла в своем шкафчике в спортзале. Другое – в машине.

Тимофей кивнул:

– Человек, который этим занимается, в совершенстве изучил тебя и твой образ жизни. Думаю, мы серьезно спутаем

ему карты, если хотя бы переедем в отель в Мюнхене на неделю-другую.

Брю поерзала в кресле. Вероника подумала, что вряд ли она в восторге от такой резкой перемены условий.

– А что, если немного подальше? – спросила вдруг Габриэла.

Все посмотрели на нее.

– Что-то конкретное? – спросил Вернер.

– Ну... – Габриэла в смущении покусала губы. – Я, разумеется, все оплачиваю – перелет, проживание, экипировку... Не пугайтесь! – Она посмотрела почему-то на Веронику. – Там – ничего такого экстремального, вполне комфортабельная туристическая станция. Они уже не первый год работают как отель. Рекомендация от клуба путешественников, отличные отзывы, прекрасное обслуживание, и...

– Ты о чем? – чуть слышно произнесла Вероника.

Габриэле не пришлось смотреть на экран планшета, чтобы прочитав перевод. Она догадалась. И, глубоко вдохнув, сказала:

– Антарктида.

Вероника застыла с приоткрытым ртом. И, похоже, не ее одну это предложение ошарашило.

– Опять! – Брю вскочила на ноги. – Ты совсем рехнулась со своим блогем, Габ! Ты можешь забыть о нем хоть на месяц? Ну или езжай одна! Признай уже, что тебе плевать на меня!

«Дело говорит, – подумала Вероника. – Бред какой. Антарктида...»

– Антарктида... – вдруг тихо повторил Тимофей.

Он произнес это слово едва слышно, но все почему-то замолчали и посмотрели на него. А Тимофей будто бы в транс смотрел куда-то в пустоту перед собой и продолжал бормотать:

– Огромное снежное и ледяное пространство... нет людей... только тишина... только пустота...

– Ти-и-иш?.. – с опаской обратилась к нему Вероника. Все равно он бормотал на русском, так что только она могла его понять.

Тимофей встрепнулся, но не взглянул на Веронику. Он смотрел на Габриэлу, и его взгляд, его лицо выражали столько эмоций, что казалось, рядом с Вероникой сидит совершенно нормальный человек.

– Мне нравится, – сказал он по-немецки. – Отличная идея, Габриэла!

– Правда? – Габриэла слегка покраснела и улыбнулась.

– А ведь и впрямь неплохо, – пробормотал Вернер. – Менее удобное место для подбрасывания анонимок – поискать.

Вероника задохнулась от возмущения. Она перевела взгляд на Брю в поисках поддержки. Та выглядела так, будто на нее внезапно упал мешок с песком. Губы ее задрожали. Но когда они шевельнулись, то произнесли совсем не те слова, которых ждала Вероника:

– Хорошо, я согласна. – Смотрела Брю при этом почему-то на Тимофея.

Вероника постучала пальцем по экрану лежащего на коленях планшета, но тот и во второй раз перевел реплику точно так же.

Лоуренс сидел в чилийском аэропорту уже два часа, когда, наконец, объявили о приземлении рейса из Мюнхена. Лоуренс встал и принялся разминать ноги. Чем больше он ходил взад-вперед по душному залу, среди резких запахов пищи и неумолчной трескотни на испанском языке, тем сильнее в нем кипело раздражение.

Они должны были отправиться еще неделю назад. А теперь все будет впритык. Отпуск закончится на следующий день после возвращения. Ему придется сразу же, не успев отдохнуть, приступить к работе. А Лоуренс ненавидел существование в таком режиме. Ему нужно было время на то, чтобы переключиться.

Лоуренс достал из кармана телефон, посмотрел время. Потом зашел на страницу Габриэлы. Самый свежий пост – вчерашний. Одна фотография: Габриэла стоит в своей старой комнате в доме матери, одетая в оранжевый комбинезон с эффектно намотанным поверх фиолетовым шарфом, в капюшоне, в темных очках с зеркальными стеклами. Собственно, Габриэлу можно было узнать лишь по улыбке. Этой чуть загадочной, чуть насмешливой улыбке. Габриэла показывала два пальца – V, победа. А короткий текст, сопровождающий фото, гласил: «Вылетаю! Шестой континент – жди!»

Шестой континент ждал. Лоуренс тоже ждал. Он открыл

комментарии, скользнул взглядом по привычному набору высказываний. Кто-то критиковал комбинезон, кто-то – очки. Кто-то желал удачи. Кто-то ждал новых постов. Кто-то сетовал, что интересный блог скатился до селфи в зеркале и прифотошопленных пейзажей. Один чудик на полном серьезе рассказывал о базе инопланетян в Антарктиде.

Лоуренс написал свой комментарий: «По ходу, в этот раз сисек не будет. Расходимся».

С первым же упавшим лайком стало чуть легче. А как только посыпались комментарии от фанатов с завываниями в духе: «Да как ты можешь! Покайся!» – Лоуренс улыбнулся. В пререкания он не вступал – прекрасно понимал, что теперь эти люди и без него найдут чем заняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.